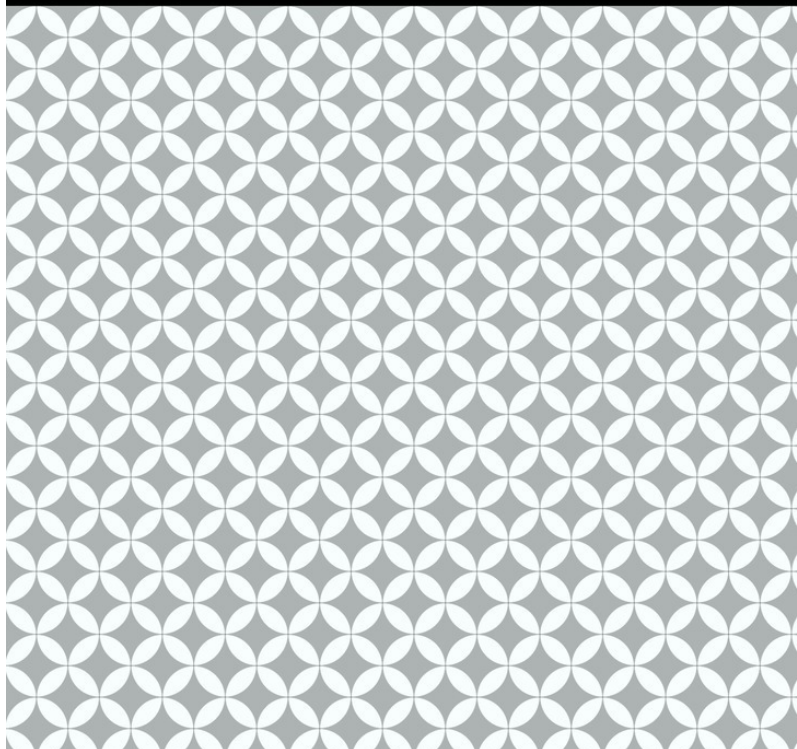

Дмитрий Самойлов
Медсестра

сборник произведений

Дмитрий Анатольевич Самойлов
Медсестра. Сборник
произведений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724066

ISBN 9785448564925

Аннотация

Откровенные дневники молодого человека, приобретающего первый сексуальный опыт и познающего чувства женщины, обуреваемой эротическими фантазиями.

Содержание

В лагере	5
глава I. Воспитательница	6
глава II. Переворот	33
Волк	45
Художник-2	49
Глава 1. Катя и художник	50
Глава 2. Ольга	63
Глава 3	82
Глава 4	84
Глава 5	91
Глава 6	108
Глава 7	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Медсестра
Сборник произведений

Дмитрий Анатольевич
Самойлов

© Дмитрий Анатольевич Самойлов, 2017

ISBN 978-5-4485-6492-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В лагере

глава I. Воспитательница

Не само действие увеличивает
страсть, а способ его восприятия

Детство. Светлое чувство охватывает меня, когда я вспоминаю те летние дни. Это целая жизнь, наполненная радостью и счастьем. Она прожита и никогда уже не повторится. Я знаю это. Тщетно стараюсь я повторить ее. Все, что мне удастся, лишь короткие эпизоды. Они всплывают на миг и погружаются в прошлое, тонут безвозвратно. Кто поможет вернуть мне то, что давно утеряно?

Мир сегодняшний, как бы ни был он красив и красочен, не идет ни в какое сравнение с прежним. Все его краски блекнут перед переживанием тех дней, и ничто не может меня так радовать, как радовало тогда. Простой спичечный коробок со стеклышками и ее улыбка.

Образ той женщины невозможно повторить. Он единственен. Все попытки разбиваются, рассыпаются в прах.

Как собрать воедино тысячу осколков, упавших с такой высоты? Невозможно.

Но как мне этого хочется, и насколько велико желание сделать это.

На следующий день после моего приезда, стих ветер, а вместе с ним и дождь. Небо постепенно расчистилось и перестало быть хмурым и темным.

После того, как солнце осветило верхушки деревьев и серебристые ниточки паутины закачались, сверкая, дети начали собираться в группы по интересам. Каждый мог по желанию пристроиться к разным группам, если его не прогоняли, конечно. Девочки играли в свои игры, мальчики в свои.

Один мальчик залез на дерево и сидел там.

– Что ты там делаешь? – спрашивали его остальные, проходя мимо.

– Вы мешают мне думать, – отвечал он.

– Пошли с нами!

– Не хочу.

– Ну и сиди там, думалка!

– Не дразните его, – сказала воспитательница. – Он не похож на вас, но это не дает вам право плохо с ним обращаться.

Мне нравилось неспеша обходить всех и смотреть, кто во что играет и чем занимается. Иногда, исходя из своего опыта, я вставлял замечания, которые казались мне необходимыми в данный момент.

Несколько малышей возились в песочнице, они ругались друг с другом.

– Твои куличики разваливаются! Ты не умеешь их делать!

– Сам не умеешь!

Я подошел и сказал:

– Смачивайте песок водой, тогда куличики не будут рассыпаться.

– Знаем, знаем.

– Надо позвать мальчика в коротких штанишках с брызгалкой. Где он?

– У муравейника видели! – крикнули проходившие мимо ребята.

Его позвали. Он подошел.

– Займись-ка делом, – сказал я ему.

– Каким? Я и так занят с утра до вечера, – он осмотрел свою брызгалку. – Воду надо набрать, мало осталось.

– Вот, вот, набери воду и помоги делать им куличики.

– Иди к нам, а то у нас не получается, мы дадим тебе формочки! – заулыбались малыши и приветливо замахали ему руками. Он тоже улыбнулся и пошел набирать воду. Я последовал дальше.

– А вы, что делаете? – спросил я у двух девочек.

Они принесли большую простынь и, ползая по траве, резали ее ножницами.

– Вас заругают!

– Уже поздно. Мы ее разрезали, – они улыбнулись и поднялись с колен. – Это одежда для кукол. Смотри! – одна девочка кивнула головой в сторону. Там прямо на траве лежали две голые куклы.

– Здорово! – похвалил я их и пошел дальше.

Я снова услышал голос воспитательницы, он звучал как музыка. В синем платье она пошла по тропинке и, сняв боножки, несла их в руке, неторопясь, поправляя волосы.

«Может быть дать ей заколку? Попрошу у мамы», – подумал я. «И вообще, что ей нравится, а что нет? Что она любит больше всего? Как бы это выяснить». Я пошел за ней по тропинке, пиная ногами шишки, дошел до мальчика, сидящего на дереве. Он сидел неподвижно и я решил, что он заснул.

– Не спи, упадешь! – крикнул я ему, задрал голову.

Отстань, я не сплю, я думаю. Чего пристал? ... Возьми лучше спичку, помажь один конец в сосновой смоле и положи в лужу.

– И что будет?

– Увидишь...

Я так и сделал. Удивительно, спичка начала двигаться, оставляя на воде след.

Воспитательница тем временем подошла к своему корпусу и скрылась за дверью.

«А вдруг ей не нравятся заколки?» Но вот, что волновало меня больше всего: «Нравлюсь ли я ей?» Наверное, да, я встречал ее взгляд постоянно, каждый день, по нескольку раз.

Она смотрела на меня не так, как девочки. Совсем по-другому. Конечно же, ведь она не девочка и нечета им. Ее взгляд более осмысленен, а глаза... Они такие. Словами не передать. Можно сказать, что они красивые, но это слишком про-

сто.

На скамейке сидели три девочки. Я подошел и спросил:

– А кто эта тетенька в синем платье?

– Та, что прошла по тропинке?

– Да.

Они засмеялись, одна, что казалась старше других, сказала:

– Это не платье, а сарафан и вовсе не синего цвета, а василькового, еще светлый есть. – Она посмотрела на меня серьезно.

– А какие у нее еще платья есть? – попытался я продолжить разговор.

Они переглянулись. Одна девочка с тоненькими косичками ответила, хихикнув:

– У нее есть юбка в горошек, – она опустила голову и стала загибать пальцы, – светлое платье в мелкий цветочек... Так, уже три.

– Четыре! – заметила третья, вытянув вперед ноги в белых носочках.

Она все время молчала, и теперь решила наверстать упущенное и, болтая ногами, продолжала:

– А платье кремовое, с коротким рукавом, забыла? Ты глупая.

– Ах да! – девочка с косичками подняла голову. – Сама глупая, дура.

– Тише! Не ссорьтесь! – встала старшая и снова взгля-

нула на меня. – А ты, что недавно приехал? Смена уже началась. Это Елена Ивановна, она давно здесь работает.

Она поправила волосы, вынула шпильку и, положив ее в рот, стала причесываться, потеряв ко мне интерес.

День продолжался. На залитом солнцем дворе играли дети. Они возились возле песочницы и весело бегали друг за другом. Подошел мальчик в коротких, штанишках и стал поливать всех из брызгалки. Поднялась суматоха. Воспитательница отняла брызгалку и шлепнула его ладошкой по попе. Круглое лицо мальчика искривилось, но он не заплакал, а улыбнулся. Он был смешной и глупый. Может потому, что маленький, младше всех, и плакал чаще остальных. Елена Ивановна взяла его за руку и увела. «Интересно, что он чувствовал и почему не плакал», – подумал я, наблюдая. У его мамы тоже было круглое лицо.

Дети и родители похожи. Если бы я отнял у него брызгалку, вот тогда бы он точно заныл. Но воспитательница – это другое дело. Значит, ему приятно.

Елена Ивановна отвела мальчика и уселась в беседке. Она всегда садилась туда, чтобы красить ногти. Я подошел ближе и, делая вид, что собираю ягоды, стал осторожно разглядывать ее, стараясь, чтобы она меня не заметила.

Лицо ее было спокойным и серьезным. Она сосредоточенно занималась своим делом, очень важным. Никто не смел мешать ей. Левая рука ее лежала на столе, рядом стоял флакончик треугольной формы с открытой, сдвинутой в сторо-

ну крышкой. Она аккуратно снимала крышечку, которая одновременно являлась кисточкой, чтобы сделать несколько штрихов, затем вставляла кисточку на место, а левую руку отводила в сторону и, поворачивая вслед за ней голову, внимательно смотрела на результат то, отдаляя, то приближая к себе руку. Если кто-нибудь в это время нарушал ее покой, она сначала поднимала ресницы, затем вскидывала голову и зычным красивым голосом резко окрикивала шалунов. Ее голос слышался далеко. Обрывки ее фраз часто звучали у меня в голове, повторяясь и чередуясь в разных сочетаниях.

Если это не действовало, тогда она вставала, повышая голос. Все ее загорелое тело напрягалось под легким платьем, и она спешила в нужное место. Власть воспитательницы, и ее сила были безмерны, не имели границ и распространялись далеко вокруг. Для меня она была самая сильная и самая красивая. Однажды к нам забрела большая дикая собака. Дети разбежались. Но Елена Ивановна прогнала ее, взяв в руки палку. Она не испугалась, как остальные, а смело пошла навстречу опасности и победила ее. Волосы ее при этом красиво ниспадали на плечи и колыхались при каждом шаге. Она хотела расчесать их, но не успела, лишь сняла заколку.

– Дети! Собирайте игрушки! Уходим! – крикнула воспитательница. Она два раза хлопнула в ладоши:

– Анечка, перестань, слышишь? Настало время обеда!

Я сидел за столом и медленно водил по почти пустой тарелке, размышляя: «Когда придет мама, она принесет кон-

феты». Конфеты, это как деньги, с ними можно, если не все, то многое. Мне нравилась одна девочка с длинными волосами. Как раз сейчас она сидела за соседним столом. Ее звали Аня. Она повернула ко мне лицо и посмотрела, озорно, улыбаясь. Я подошел, наклонился и зашептал ей в ухо:

– Если я дам тебе конфетку, ты поднимешь платье?

Она перестала улыбаться и, сделав удивленное лицо, произнесла тихо:

– Только шоколадную, тогда да.

– А сливочную тянучку? – спросил я, волнуясь.

– За тянучку можешь поцеловать меня один раз, – ответила она строгим голосом.

Немного помолчав, я продолжал:

– Вообще-то, у меня есть вафли шоколадные...

– Да-а-а? Это другое дело! Что же ты сразу не сказал?

Анечка отодвинула тарелку, встала из-за стола, слегка наклонив голову назад, она собрала свои длинные светлые волосы обеими руками и, перевязав их, алой ленточкой, вопросительно посмотрела на меня большими карими глазами.

– Пойдем со мной! – она взяла меня за руку. – Только не говори никому, что я согласилась за вафли, – добавила она шепотом.

– Нет, что ты! – успокоил я ее.

Мы пошли по тропинке вдоль забора. По дороге я думал «Почему Елена Ивановна расчесывает Анечке волосы каждый день? Что ей самой трудно? Она лентяйка, навер-

ное. «Лентяи ленивы и заставляют других выполнять, за себя свою работу, – так говорила моя мама. И точно лентяйка, зато красивая».

Мы подошли к маленькому шалашику. Это было укромное место, о нем знали немногие посвященные. Оно предназначалось для совершения всяких тайных ритуалов и других действий, скрываемых от взрослых.

Все дети в лагере были разбиты на группы, которые соперничали друг с другом. Они были различны по влиянию и численности. Но все группы детей подчинялись одним правилам. Это был закон, который никто не имел права нарушать. Ослушникам делали «Темную» и всячески унижали, подвергая гонениям. Пока, наконец, не прощали, поняв, что те встали на путь истинный. Одно из правил гласило: «Если берешь в руки конфету, то соглашаешься на то, чего хочешь от тебя дающий. Тогда просьба обязательна для исполнения». Это правило применялось одинаково, как к девочкам, так и к мальчикам. Конфеты или другие сладости нужно было обязательно взять в руку, подтверждая этим свое согласие. Даже молча, ничего не сказав. Достаточно было одного действия. И наоборот, если ты не взял в руку, это значило отказ, и никто не мог заставить тебя выполнять просьбы. Не трудно догадаться, что просьбы носили странный характер и имели сексуальный оттенок.

Были «надзиратели» и были «шпионы». Первые наблюдали и требовали исполнения правил, а вторые собирали ин-

формацию и сообщали ее куда следует.

Вот одно из таких правил, мы собирались выполнить. Мы вошли в шалаш. Там царили чистота и порядок. На полочках лежали куклы и пупсы, аккуратно одетые или завернутые в разноцветные тряпочки. Еще какие-то коробочки, ленточки, кулечки. Все было бережно сложено, и каждая вещь имела свое место.

Чувствуя себя неловко, я огляделся и стоял в нерешительности.

– Ну, что? Давай, что принес. – Анечка смотрела на меня в ожидании. – Чего там у тебя?

Она заулыбалась, видя мою нерешительность:

– Первый раз, что ли?

Я протянул ей сладкое. Она бережно взяла пакетик, и, взглянув туда, осталась довольна.

– С бантиками или с ленточками? – спросила она, показав рукой в сторону коробочек, разложенных по полкам.

Я растерялся.

– Давай с бантиками, раз не знаешь. Только, чур, не вплетать.

Она, взяв в руки коробочку, стала деловито подбирать цвет. По правилам, я сам должен выбрать цвет, но раз я молчал, то она взяла это на себя.

– Ну вот, готово. – Анечка посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. – Теперь, целуй!

Она отпрянула, и, нахмурившись, сказала поучительным

ТОНОМ:

– За каждую конфетку по одному разу можно. Так не честно!

– Извини, я нечаянно.

– Ну, хорошо, прощаю на первый раз, – она смягчилась. – А что ты хочешь за вафли?

Я молча показал рукой на ее платье. Она сделала обиженный вид и ответила:

– Этого мало, будешь должен. В следующий раз принеси больше.

– Хорошо, хорошо. Скоро «Родительский День». Я дам даже больше.

– Ну ладно, смотри. Мне не жалко. – Анечка подняла платье. – Но руками не трогай!

Я присел на корточки.

– Хочешь, я буду твоей мамой? – спросила она, положив в рот очередной кусочек. – Родительский День – двадцатого. Еще неделю ждать.

«Мама далеко. Почему бы и нет?» – подумал я, созерцая.

– Скажи, Анечка, почему Елена Ивановна расчесывает тебе волосы? Ты даешь ей за это конфеты?

Она посмотрела на меня, не зная, что сказать. Затем опустила платье, взяла в руку пупса-негритенка и, молча, вышла из шалаша. Я тоже пошел в свой корпус из белого кирпича.

– Я буду присматривать за тобой! Не перелезай через забор, штаны порвешь! – крикнула она вслед.

«Кто придумал этот тихий час? Зачем надо спать, когда светит солнце? Непонятно», – размышлял я, шагая по тропинке.

Прошел дождь. Он оказался таким мелким, что мы, находясь в шалаше, ничего не заметили. Кроны деревьев задержали капли, и сейчас, когда выглянуло солнце, они медленно стекали по листьям и сосновым иголкам.

Однако распорядок необходимо было соблюдать. Я пришел в палату и лег, накрывшись с головой одеялом. Но так лежать было скучно и ничего не хотелось. Я высунул сначала лицо, а затем и руки, одну за другой. Мальчик Коля, мой сосед, тихо сопел, он повернулся лицом ко мне и зашевелил губами. Рука его разжалась и из нее выпал маленький пластмассовый медвежонок. Я спрашивал его вчера: «Почему у тебя медвежонок белый? Медведи бурые все». А он сказал: «Это белый медвежонок. Он живет на Севере, потому и белый. Там холодно, я хочу согреть его». Коля всегда таскал его с собой в руке или в заднем кармане штанов, при этом голова медвежонка всегда торчала, так как весь он в карман не помещался.

– «А, где его мама?» – не унимался я.

– «Его мама умерла, теперь я его мама», – ответил Коля и еще крепче сжал медвежонка..

– «Я тоже хочу быть чей-то мамой», – сказала девочка в светлом сарафане. Она услышала наш разговор и заинтересованно остановилась рядом.

Одна лямочка постоянно спадала с ее плеча, и она часто поправляла ее с озабоченным видом.

В палате все спали. Воспитатели не спали никогда. Они куда-то уходили. «Я тоже уйду!» – решив так, я встал и медленно подошел к окну.

Я любил смотреть в окно. Это успокаивало меня. Тем более, спичечный коробок с разноцветными стеклышками я так и не смог найти. «Где я мог его потерять?»

Я заметил Елену Ивановну. Она торопливо шла по тропинке мимо корпуса. На ней был надет светлый сарафан почти такой же, как у той девочки, которая хотела стать чей-то мамой. Но лямочки у нее никогда не спадали.

Вдруг она поскользнулась на мокром камне и неловко присела, подогнув под себя ногу. Ой! В этот момент она, как никогда, была похожа на девочку. Только большую девочку и очень красивую. Она поджала губы, казалось, что она хочет заплакать. Но она не заплакала. Мне стало так жаль ее, что я, наверное, выпрыгнул бы из окна, в конце концов. Настолько велико было это, желание. Елена Ивановна, тем временем, встала и пошла дальше, уже не торопясь. Через несколько секунд ее белый сарафан мелькнул возле деревьев, и я совсем потерял ее из вида. В этот момент мне пришла в голову нелепая идея. Она была настолько смела и неожиданна, что я растерялся. Я присел на стул и, глубоко вздохнув, стал размышлять: «Раньше Елена Ивановна была девочкой и должна знать правила. Если ей предложить конфеты, что она ска-

жет?» У меня еще оставалось несколько конфет, и я берег их для особого случая. Теперь этот случай, похоже, настал. Мне не терпелось пустить их в дело. Тем более что я ничем не рисковал. Если она просто возьмет их, это будет похоже на простое угощение. Женщины любят сладкое, это всем известно. Так будет легче обратить все это в шутку. Но сейчас, мне было интересно знать, куда она идет. Я встал и поспешил выйти на улицу. Выйдя, я примерно определил то место, где исчез ее силуэт, и осторожно вошел в лес.

Мое внимание привлекли отблески солнца, как будто кто-то пускал солнечного зайчика, время от времени. Но эти пошверкивания были слишком мягкими для игры с зеркальцем. Я пошел в ту сторону и вскоре увидел Елену Ивановну. Она ходила по зарослям малины и собирала ягоды в большую алюминиевую кружку, которую держала в руке. Каждую вторую или третью ягодку она клала в рот, напевая при этом какой-то, известный только ей мотив. Теперь я понял, что мелькало на солнце – ее очки. Иногда она надевала солнцезащитные очки овальной формы. Но чаще я видел их поднятыми вверх, чем на ее глазах. Именно тогда на них отсвечивало солнце. Она использовала их как обруч для волос. Осторожно, раздвигая кусты малины, я пошел вперед. Через несколько шагов я присел потому, что Елена Ивановна была совсем рядом, в нескольких шагах. Она оглянулась по сторонам и, сняв сарафан, легла на покрывало. Затем, чуть приподнявшись, сняла лифчик и, положив его в целофанновый

пакет, снова легла, запрокинув голову. Спичечный коробок и все игрушки вылетели из моей головы, едва я увидел эту картину. Я старался даже дышать тише. «Вдруг она услышит мое дыхание?» Так тихо было вокруг. Лишь где-то высоко ветер раскачивал верхушки сосен.

Сидеть на корточках было неудобно, и я попытался вытянуть затекшие ноги, при этом хрустнула ветка. Я замер. Она подняла голову и увидела меня.

– А, это ты? – спросила она, прикрыв грудь рукой. – Я думала, что здесь никого нет. Ведь сейчас тихий час. Почему ты не спишь?

– Не хочется. Я принес вам воды. Вот, – я протянул ей фляжку.

Она взяла ее и, опершись на локоть, стала пить маленькими глотками. Несколько капель пролились и стали стекать по ее груди, сверкая на солнце.

– Спасибо, – она вернула мне фляжку. – Я почти уснула, а ты разбудил меня. Поиграй где-нибудь, только далеко не уходи.

– Я не хочу уходить. Можно я вытру воду?

– Можно, – сказала она тихо и улыбнулась.

Я протянул руку и, еле касаясь пальцами, провел по ее груди.

– Что ты делаешь? – прошептала она и посмотрела на меня с интересом.

– Вытираю воду...

– Продолжай! – она закрыла глаза, замолчала. Ее тело было горячим, а живот мягким.

– Вам приятно?

– Да, – ответила она еле слышно.

Взяла мою руку и стала водить по своему телу. Внутри у меня все сжалось, и перехватило дыхание. Солнце просвечивало сквозь листья малины, а легкий ветерок колыхал их из стороны в сторону.

Елена Ивановна то открывала, то закрывала глаза, не переставая улыбаться. Выражение ее лица стало таким, каким я его еще ни разу не видел. Оно было особенным. Изредка из полужакрытых ресниц она поглядывала на меня и, шурясь, улыбалась все той же странной улыбкой. Она остановила мою руку и крепко сжала ее в своей ладони, так крепко, что у меня заломило пальцы. Затем отпустила, отвернулась и закрыла глаза.

– Вот. Возьмите!

– Что это? – она повернула ко мне голову.

– Листочек. Положите его на нос, так моя мама делала.

Елена Ивановна протянула руку и взяла листочек, нехотя поднесла его к лицу, разглядывая, опять улыбнулась и погладила меня по щеке.

– Ты хороший мальчик, – произнесла она задумчиво, лицо ее при этом стало грустным и серьезным.

Она привлекла меня к себе и поцеловала. Я подумал тогда: «Какие у нее мягкие губы и сколь нежны прикосновения»

рук и то, как она смотрит на меня, и все это вместе. Разве может оставить равнодушным?»

Когда я вернулся, Коля еще спал, сжимая своего медвежонка.

«Интересно, во сколько ложится Елена Ивановна? Во сколько встает? Что делает, проснувшись? Пихает ноги в тапочки и идет умываться? Может, ей нравится ходить босиком по полу, как это делают некоторые девочки? Анечка, например».

Я лег на кровать и закрылся одеялом с головой. Так легче было думать обо всем. Наверное, Анечку выберут королевой, с ней нельзя ссориться. Каждое лето дети выбирали короля и королеву, их наряжали и торжественно проводили через весь лагерь. «Пригласите королеву!» или «Так сказала королева» то и дело слышалось со всех сторон. Королева приходила, быстро решала все вопросы и конфликты: «Кто отобрал у тебя мячик? Вот ему! Больше не дерись подушкой». А дети повторяли: «Мирись, мирись и больше не дерись!» Потом брались за руки и водили веселый хоровод. Король не пользовался таким уважением и был как довесок. Над ним всегда подшучивали. Он нужен был лишь для того, чтобы составить пару. Кто же тогда будет держать королеву за руку?

Почему бы не выбрать королевой Елену Ивановну? Она тоже красивая. Почему бы и нет! И я представлял, как она сидит на скамейке возле своего корпуса, а девочки расчесы-

вают ей волосы и красят ногти. Теперь ей не нужно это делать самой, ведь она королева!

«Какое у вас платье красивое!» – это они подлизываются и подхалимничают.

Мои мысли прервал шум. Он слышался из соседней палаты. Скорее всего, там кидались подушками, веселый хохот сопровождал удачное попадание. Если никто из взрослых не приходил, тогда кидание перерастало в избиение. Дети соскакивали с постелей и лупили друг друга по-настоящему. Иногда получалось еще пуще: двери палат открывались и дети, держа подушки в руках, нападали на соседние палаты. Шум стоял невероятный. Девочки били мальчиков, а мальчики девочек. Взрослые приходили, в конце концов, но разве разберешь: «Кто первый начал?» Ведь нельзя же наказывать всех?

Тихий час закончился.

Пришла девочка, та самая, которая хотела стать чьей-то мамой. Ее звали Оля.

– Теперь я твоя мама, – сказала она.

Коля сидел и плакал, его мама не приехала.

– Хочешь?

– Да, хочу, – ответил он, утирая слезы.

Оля присела рядом с ним, вынула платок и стала прикладывать его к Колиным щекам. Он улыбнулся и перестал всхлипывать. Оля тоже улыбнулась и спросила:

– Можно потрогать твоего мишку?

– На, возьми, – он протянул ей игрушку.

– А почему он голый? Ему же холодно! – Оля вынула из кармана цветастую тряпочку и тут же обернула медвежонка со словами:

– Если его мама умерла, значит он страдал и плакал. Его надо жалеть больше всех.

– Медведи не носят одежды, это не пупсы, – заметил я поучительным тоном, наблюдая происходящее.

– А этот будет носить, – сказал Коля и снова улыбнулся, – он необычный медвежонок, особенный.

Он отвел меня в сторону и спросил, тихо оглядываясь на Олю, чтобы та не услышала:

– У тебя остались конфеты?

– Да, есть немного. А что? Зачем тебе?

Он опять оглянулся в сторону Оли. Та, как ни в чем ни бывало, продолжала одевать игрушку. Она положила мишку на скамейку рядом со своей куклой, приговаривая:

– Они будут дружить, как мы! Дружить...

– Чего ты там шепчешь? – Оля оглянулась на нас. – Думаете, я не слышу?

Она подошла ближе и сказала, строго посмотрев на Колю:

– Мне не нужны конфеты, не думайте, что все девочки такие алчные.

– Какие алчные?

– Алчные – значит жадные, – так мама говорит. Я согласна и без конфет. У нас с Колей настоящие чувства, а не куп-

ленные за какие-то там сладости.

С этими словами она взяла куклу с медвежонком в одну руку, а Колю в другую.

– Мы пойдем, скоро ужин.

– Вы куда? – спросил я.

– В шалашик, – ответила Оля и, повернув лицо к Коле, сказала, глядя ему в глаза:

– Пойдешь со мной?

– Надолго?

– А как получится, – она одарила его многообещающим взглядом.

– Скоро дождь пойдет, вы промокните! – заметил я, подняв голову.

– А это что? – Оля улыбнулась и показала голубой зонтик, она раскрыла его и со смехом закрутила над головой.

Всем стало весело.

– Вот здорово! Ну, идите, а то дождь действительно пойдет, – сказал я на прощание.

Утро. Солнце, поднимаясь выше, задевало лучами верушки сосен и, наконец, осветило их ярко.

Кто-то стал стаскивать с меня одеяло. Я повернулся, приготовив подушку, чтобы быстро пустить ее в ход. Это была Анечка. Моя рука ослабла.

– Хватит спать! Иди умойся и почисти зубы! Я, было открыл рот, но она перебила меня:

– Теперь я твоя мама и должна присматривать за тобой.

Мы договорились! Забыл?

– Нет, я помню, – я встал и нехотя пошел в туалет.

«Неужели она каждое утро будет доставать меня?»

– Ты должен меня слушаться! Где рубашку порвал?

– Не помню.

– «Не помню», – передразнила она. – Надо быть аккуратней, и на завтрак не опоздай! Приду, проверю!

Анечка вздохнула и, покачав головой, удалилась в свою палату. Волосы ее были распущены, и мне показалось, что они стали еще длиннее, чем вчера. Но сейчас меня занимало другое: я должен предложить конфеты Елене Ивановне. Я хотел и боялся этого. Что из всего этого выйдет? Не окажется ли неудачной моя выдумка? Что она скажет? Чем краше девочка, тем больше просит она конфет. Хватит ли их у меня?

– Елена Ивановна, я принес вам... вот. Они шоколадные. – С этими словами я протянул ей несколько конфет.

Она сидела на кровати и читала книгу.

– Что ты хочешь за них? – Спросила она, отложив книгу в сторону.

– Поцеловать вас.

– Хорошо, я согласна, – она встала, подошла ко мне и взяла конфеты. – Я знаю правило: «Если возьмешь конфеты, то согласен», – произнесла она, сузив глаза. – Но у нас, у взрослых, свои правила, – добавила она строгим голосом, и поло-

жила конфеты на стол.

– Значит, не считается? – спросил я, волнуясь.

Видя мой растерянный и грустный вид, она успокоила меня и, наклонившись к моему лицу, сказала:

– Все равно приятно. Приходи сюда завтра вечером, когда все лягут спать. Я буду ждать тебя. – Она выпрямилась, взяла со стола конфеты и показала их мне, подтверждая тем самым, что не шутит.

– Теперь иди и никому не говори об этом!

– Хорошо. А вы не обманите? Я приду.

– Разве я похожа на обманщицу? – Она засмеялась, обняла меня и, потрепав по щеке, поцеловала в лоб со словами: «Взрослые не обманывают!» Ее взгляд стал лучистым и добрым, она и раньше была добра ко мне, но теперь ее доброта стала другой, особенной.

Весь день она не отходила от меня и мне не разрешала далеко уходить. Я чувствовал ее внимание постоянно.

Настал вечер. Дети успокоились и мирно спали в своих кроватках. Под подушкой у каждого ребенка лежала любимая игрушка. Я немного подождал для верности, откинул одеяло и встал, осматриваясь по сторонам.

Ее обещание показалось мне шуткой. «А вдруг она спит, и забыла обо всем?» – думал я, идя по тропинке. «Взрослые не обманывают!» – звучало у меня в ушах.

Дверь ее комнаты оказалась открытой. Я осторожно заглянул и вошел.

Елена Ивановна стояла у окна. Она обернулась и, улыбаясь, пошла мне навстречу.

– Проходи, – сказала она тихо, – сядь вот сюда и говори только шепотом! Затем подошла к двери и закрыла ее на крючок. Взгляд ее стал серьезным и тревожным.

– Тебя никто не видел, когда ты шел сюда?

– Нет. Все спят. Уже поздно.

Она подошла к окну и задернула занавески.

– Сама не знаю, что делаю, – прошептала она, опустив голову.

Задумчиво взглянув на меня, она сделала несколько шагов и остановилась в нерешительности.

– Не думала, что все зайдет так далеко, – сказала она, пожав плечами, – только смотри, никому не рассказывай!

Я замотал головой.

Она успокоилась, глубоко вздохнула, уверенной походкой подошла к шкафу и, открыв дверцу, повернулась и спросила с улыбкой:

– С бантиками или с ленточками?

– ...с бантиками, если можно.

Она кивнула головой, достала коробочку и протянула ее мне.

– Какой цвет? Выбирай! – сказала Елена Ивановна и добавила поучительным тоном. – Цвет должен подходить к цвету волос и платья. Посмотри внимательно.

Я показал на белый клубочек.

– Правильно, – произнесла она мягко и, сняв заколку, выпустила волосы.

– Хочешь, чтобы я накрасилась?

– Да, очень.

– Тогда помоги мне!

– А что надо сделать?

– Принеси мне вон ту маленькую сумочку, что лежит на подоконнике, – она показала рукой в сторону окна и загадочно посмотрела на меня. – Нужно сделать так, чтобы все выглядело необычно и торжественно. Ты же хочешь запомнить все, что я покажу тебе?

Я растерялся, видя столь решительные приготовления, и лишь кивнул головой в ответ. Удивительно, как изменилось ее лицо за эти несколько минут.

Всего-то, каких-то 2—3 штриха кисточкой, провести помадой по верхней губе и размазать, сомкнув с нижней. Но какой ошеломляющий результат!

– Уже все? – спросил я

– Еще нет. Можно нанести тени, – она показала мне квадратную коробочку, похожую на краски, там с боку тоже лежала кисточка.

– Какой цвет тебе нравится?

Она стояла и, держа коробочку, пристально смотрела на меня. Глаза ее были слегка прищурены, а на лице застыла та самая улыбка, такая же странная, что и вчера.

– Вот – показал я пальцем.

– Этот цвет не подойдет, давай вот этот?

Я кивнул головой. Она взяла кисточку и, немного повозив ею по круглой формочке, закрыла один глаз и провела по веку несколько раз, затем, закрыв другой глаз, сделала то же самое.

– Держи зеркало повыше или давай я лучше положу его, – предложила Елена Ивановна.

– Ну вот, и готово! – произнесла она, смотрясь в зеркало и закрывая глаза, но не до конца, а чуть подсматривая из-под ресниц.

Я стоял неподвижно и смотрел на нее. – Вы стали совсем другая, – наконец сказал я, продолжая ее разглядывать.

– Я нарисовалась, и ты не узнал меня. Да? – она засмеялась, наклонив голову, присела на корточки и поцеловала меня. – Вот сюда.

Я поцеловал ее в щеку.

– Мне уйти? Уже все?

– Нет, не все! – сказала Елена Ивановна серьезным тоном.

Она отошла в сторону, быстро залезла себе рукой под платье и опустила ее вниз. Там мелькнуло что-то белое. Она переступила сначала одной ногой, затем другой и, смяв это белое в комочек, кинула его под подушку. Потом повернулась и сказала:

– С девочками можешь играть в эти игры. А со мной нет! Продолжим, раз уж начали.

С этими словами она подошла ближе и, расстегнув платье,

снизу отвернула его в стороны.

– Поцелуй то, что видишь! Вот сюда...

Я поцеловал. Затем еще и еще. Рука ее скользнула вниз, губами я почувствовал ее пальцы: указательный и средний. Она развела их в стороны и чуть приподняла вверх. Стало мягче и теплее. Елена Ивановна вздохнула и, обняв рукой мою голову, принялась гладить мои волосы, перебирая их пальцами.

– Елена Ивановна, а правда, что облака сделаны из воды? – спросил я, подняв голову.

– Да, правда.

– Но ведь они не мокрые?

Она засмеялась и, опустив платье, застегнула пуговицы.

– Вот сейчас пойдет дождь, тогда и увидишь. Куда ты?

– Я пойду. Поздно уже.

– Оставайся, промокнешь, – она придержала меня рукой, – смотри, какие тучи.

– Да... – я посмотрел в окно, отодвинув занавеску. – Тучи очень темные. В них много воды.

– У меня вторая подушка есть. Ложись... Может, тебе почитать чего-нибудь? Что тебе нравится?

– Мама мне читала сказку Андерсена.

– У меня есть! – она порылась в ящике письменного стола и достала книгу в потертой обложке.

– Спасибо, – я лег и стал слушать.

Глаза мои медленно закрылись. Голос Елены Ивановны

слышался все тише и тише, а раскаты грома все глуше.

глава II. Переворот

Случилось так, что мне пришлось уехать на некоторое время.

Когда я вернулся, то заметил странные изменения. Деревья стояли те же и трава такая же зеленая. Но все равно, в воздухе застыла какая-то напряженность. Она чувствовалась во всем: как играли дети и пели птицы, как шелестели листья и журчала вода в ручьях. Солнце, сияющее в небе, не улыбалось мне больше и не дарило радости. Оно даже не заставляло жмуриться, распуская вялые лучи, которые не могли пробить себе дорогу в облаках. Луна, заливающая ночью все своим светом, показалась мне мрачной и злоеющей.

Обходя окрестности я остановился возле забора.

Невдалеке я заметил знакомую фигуру, она приближалась.— Коля? Ты стал надзирателем?

— Да, как видишь, — он повернул ко мне руку с синей повязкой и кивнул в сторону стадиона. Там на флагштоке развевался синий флаг. — Я приспособливаюсь.

— Значит, королеву выбрали уже?

— Да.

— Анечку, конечно?

— Тс-с-с! Королеву нельзя называть по имени! — он с опаской оглянулся по сторонам. — Ты что? Забыл? Не надо было

уезжать. Ты в немилости, – добавил он шепотом.

– Тебя ОНА послала?

– Нет, я сам. Она сказала, чтобы я присматривал за тобой.

– А если бы не сказала?

– Все равно бы пришел, мы же друзья.

Я обратил внимание, что из Колиного кармана не торчит привычная голова медвежонка.

– А где твой мишка?

Коля опустил голову и вздохнул.

– Королева отобрала, – он опять оглянулся. – Она дала мне пупсика. Вот, смотри, – он вынул из кармана розового пупсика, завернутого в тряпочку, тоже розовую.

– Да-а, – я присел на корточки. – Но ведь он тебе не нравится.

– Не нравится. Она у всех отбирает игрушки, кто не слушается.

Как все изменилось. Значит, ты не слушался.

– А Елена Ивановна?

– Она уехала в город. У нее там какое-то дело.

– Когда приедет?

– Не знаю. Ничего не сказала.

– Не горюй! – я хлопнул его по плечу. – Сделаем перевод.

– Ты что? – Коля испуганно посмотрел на меня.

– Я все устрою, ты только собери недовольных. По правилам Королеву можно сместить, если больше половины бу-

дут недовольными, и скажут это вслух, – я показал в сторону клуба, поднял руку вверх и сжал кулак.

Он пожал плечами и начал переминыться с ноги на ногу.

– Думаешь, получится? – спросил он нерешительно.

– Получится! Вот увидишь. Я пойду во второй корпус, а ты в первый. Собирай ребят.

– Будь осторожнее, – предупредил меня Коля, – там есть одна девочка, такая толстая, большая. Все бы ничего, но она... С ней еще три, они активные и дубасят всех, кто под руку попадется. Берегись их.

– Хорошо, я буду осторожнее.

К вечеру нам удалось собрать полсотни сторонников. Они подтягивались группами по два три человека к поваленному дереву за стадионом. Даже мальчик с брызгалкой пришел. Вадик.

– Вот молодец! – похвалил я его. – Будешь нашим шпионом.

– А что надо делать, – он посмотрел на меня круглыми глазами. – Поливать девчонок водой?

– Нет. Спрячь свою брызгалку и раздвинь уши. Станешь передавать нам движения неприятеля. И потом не все девочки на ее стороне. Нужно только расшевелить их, дать толчок.

– Да, далеко не все, – согласились остальные. – Многим Анька не нравится... Точно не нравится! Она расплодила ябед, они ходят и подглядывают за всеми.

– А еще она заставляет кидаться подушками и не ходить

на завтрак!

Отовсюду слышались возмущенные голоса:

– Она игрушки отбирает, – послышалось откуда-то сбоку.

– Ну это уж слишком! – воскликнул я.

И понеслось по рядам:

– Долой Аньку! Она дура!

– Тише, тише! Они еще сильны, могут услышать.

– Пусть никто не боится! – обратился я к присутствующим. – Завтра решится все. Собирайте побольше сторонников и молчите, не выдавайте себя. Девочки есть?

– Есть! – В середину вышли две девочки. Оля (Колина мама) и еще одна, видимо ее подруга.

– Молодцы, что пришли. Ваша задача склонить на нашу сторону остальных девочек. Пройдите по палатам, подговорите других. Вы ведь хотите Елену Ивановну?

– Но она взрослая!

– В правилах не написано, что Королевой может быть только девочка. Мы не нарушаем закон. Вот так, – успокоил я их.

– Она тоже девочка, только большая, – сказал Вадик.

– Правильно, – я подхватил нужную тему. – Всем все понятно? Цвет – красный. Соберите ленты и бантики.

Я дал еще несколько указаний и отпустил ребят. Они расходились оживленно переговариваясь. Дело пошло.

Все события, произошедшие после, развивались по моему плану. Теперь уже больше половины были с нами. Я был уве-

рен, что их еще больше. Остальные просто сочувствовали, но открыто соглашаться боялись, пока. Когда придет время, они присоединятся к нам, и нас станет еще больше.

Сторонники Королевы поутихли, видимо чувствуя неладное.

Приближалось наше время.

Вечером в назначенный час весь лагерь загудел, как встревоженный улей.

Из корпусов высыпались дети и стали собираться в группы, обсуждая создавшееся положение. Активисты раздавали красные повязки и бантики. Из ленинской комнаты принесли пионерские галстуки.

– Кто за Елену Ивановну? Подходите сюда, – кричали они. – Повязки мальчикам, ленточки и бантики девочкам! Красные галстуки на руки!

– А где Она? – несколько ребят закрутили головами в разные стороны.

Из окна, отодвинув занавеску, высунулась Анечкино заспанное лицо и тут же спряталось. Занавеска задвинулась.

– Смотрите, Елена Ивановна вернулась! – Она идет в клуб, там собрание. Идем туда! – заголосили дети и, обгоня друг друга, побежали к клубу.

Там уже собралась огромная толпа, у всех были красные повязки на руках, мелькали красные бантики, их становилось все больше.

– Дайте мне красный бантик! И мне! И мне! – подхватили

другие девочки.

Коробка быстро опустела.

– Сходите в шалаш, там еще есть. Быстрее!

Одна девочка побежала к шалашу, смешно махая руками.

Я тоже пошел в сторону клуба, туда стекались дети со всего лагеря. Даже малыши из первого отряда были здесь, к ним бежали остальные, они тоже хотели быть в гуще событий. Ведь это тоже важно! Кто будет Королевой? Малыши про-скальзывали, раздвигая чужие ноги, прыгали, перелезая через забор, спотыкались и падали, поддерживая друг друга.

Все понимали, что выборы уже были. А это перевыборы. Значит еще важнее. Надо видеть и слышать. Кто не пришел – тот дурак!

Я еле протиснулся сквозь толпу ближе к сцене.

Появилась Елена Ивановна. Она медленно шла, окружен-ная со всех сторон девочками. На ней было длинное темное платье, искрящееся голубыми блёстками. Все расступались, давая им дорогу. Молча, приподнимая края платья, она под-нялась по ступенькам и села в кресло, перевязанное золотой лентой.

Все замолчали, ожидая, что она скажет. Она обвела взглядом присутствующих и подняла руку вверх, требуя тишины.

– Тише! Елена Ивановна будет говорить! – пронеслось по залу. Затихли последние разговоры, смолк шепот.

– Теперь я ваша Королева! Кто за меня?

Толпа восторженно загудела. Все стали поднимать руки,

голосуя.

– Она! Она самая красивая! Она умная!

– Её! Хотим её! – запищали малыши.

Елена Ивановна вновь подняла руку.

– Я не люблю ябед, болтунов и предателей! Отныне никто не будет подглядывать и жаловаться. Совесть каждого станет законом!

– Да будет так! – закричали дети. – Королева!

Елена Ивановна встала и продолжила:

– Никогда больше не деритесь и не кидайтесь подушками!

– Никогда не будем! – неслось со всех сторон.

– Будете меня слушаться?

– Да! Да! – шумели дети. – Да здравствует Королева!

– Кто отобрал у Коли медвежонка?

«Откуда она знает», – подумал я.

– Верните ему единственную радость! Разве можно отбирать игрушки у детей? Все повернулись в сторону кучки пленных и презрительно загукали.

Королева улыбнулась, казалось от нее исходит сияние, как от солнца, лучами во все стороны.

– Зажгите свечи! Погасите свет! – воскликнула она. – Нашли медвежонка?

Две девочки побежали исполнять приказ. Среди большой кучи отобранных игрушек они отыскивали нужную и принесли ее Коле.

– Спасибо, – он опустил голову и заплакал.

– Не плачь, – к нему подошла Оля и погладила его по голове. Я всегда буду жалеть тебя.

– Да, теперь у меня две мамы. Но так не бывает.

– Бывает, – ответила Королева твердым голосом. – Клянетесь вы мне в верности? – она сдвинула брови.

– Клянемся! – пронеслось как ураган.

– Это не настоящая клятва. Надо с огнем! Кто не хочет, я отпускаю! Пусть выйдет вперед.

Несколько детей вышли, но тут же зашли обратно, чувствуя на себе гневные взгляды. Пронеслось презрительное: «У-у-у!»

Елена Ивановна продолжила после некоторой паузы:

– Коля, ты будешь главным исполнителем, и ты, – она показала рукой на меня и чуть улыбнулась.

– Теперь каждый подержит ладонь над пламенем свечи. Это ваша клятва. А вы смотрите, – она повернулась к нам, – чтобы все сделали.

Роздали свечи.

Послышалось: Ой! Ай! Не хочу, я боюсь! – сказал кто-то. Ему отвечали:

– Не бойся. Мне тоже было больно, но потом прошло.

– А мне не страшно!

– Мне тоже.

Елена Ивановна наблюдала за происходящим. Она стояла неподвижно, величественная, словно статуя.

Она развела руки в стороны и сказала:

– Вы все мои дети! Я всех вас люблю. Боль и страх пройдут, а слово останется.

– Мы тоже любим тебя! – дети подняли свечи вверх и плавно замахали ими.

Отблески свечей заиграли на ее платье, переливаясь искрами. Она села и сказала торжественно:

– Закончим церемонию. Наденьте на меня ленту и распустите мне волосы.

Девочка, что стояла ближе всех, сняла заколку и темные волосы Королевы рассыпались по плечам. Подошли два мальчика, они надели на ее грудь золотую ленту, поклонились и встали по обе стороны кресла. Собиралась свита.

– Флаг наверх! – крикнул я, вынимая красное полотнище. На стадионе взвился алый стяг, взамен снятого синего. Дети сорвали его и бросили на землю, топча ногами.

Принесите компот из столовой! – скомандовал Коля.

Несколько мальчиков понеслись в сторону кухни и, распахнув двери, ворвались туда. Через несколько минут они вернулись, не спеша, торжественно неся чашки на подносах и большую кастрюлю. Все, шушукаясь, расступались, пропуская их.

Церемония медленно приближалась к сцене, где восседала Королева. Она была окружена плотным кольцом стражи из двадцати мальчиков и девочек. Прибежал запыхавшийся гонец.

– Пропустите его! Пропустите!

Его провели к Королеве.

– Где она? Вы нашли ее? – спросила Елена Ивановна.

– Она взяла лодку на станции и плывет вниз по течению, – ответил гонец.

Королева улыбнулась:

– Значит так и надо. Пусть плывет! Не гонитесь за ней. Есть дела и поважнее этой глупой девчонки.

Она встала довольная.

– Пейте компот и наслаждайтесь победой! – сказала она и стала спускаться по ступенькам.

Две девочки вели ее под руки, а два мальчика несли шлейф ее платья.

Один малыш пристроился к ним, зацепив рукой краешек платья, но его тут же оттеснили в сторону.

– Я тоже хочу прикоснуться к королеве! – он сделал обиженную гримасу.

Елена Ивановна заметила это и поманила его пальцем.

К ней подвели мальчика.

– Не плачь. Прикоснись ко мне, – она протянула ему руку с большим перламутровым браслетом на запястье.

Он потрогал ее ладонь и сказал радостно:

– У нее такая же мягкая рука, как у моей мамы!

Девочка, что стояла с правой стороны потрепала малыша по щеке и дала ему конфету со словами:

– Теперь у тебя две мамы. Одна далеко, а другая рядом.

– Кто еще хочет прикоснуться к королеве?

– Мы хотим! Мы тоже! Можно я потрогаю! Коснуться платья!

Дети обступили ее со всех сторон, показывая обожженные ладошки.

– Я поклялся! И я! Мы тоже!

– Хорошо. – Но теперь всем спать! – сказала Елена Ивановна. – Девочки за мной! Процессия двинулась к четырехэтажному корпусу.

Проходя мимо, королева потянула меня за рукав, наклонилась и быстро прошептала:

– Приходи вечером, я дам тебе конфет шоколадных, сколько захочешь, – она выпрямилась и, гордо вскинув голову, проследовала дальше, шелестя платьем.

Все это произошло так быстро, что можно было подумать, что она дает мне какие-то указания и я в фаворе. Даже шедший впереди Коля оглянулся и с уважением посмотрел на меня. Все остальные, кто находился поблизости, восприняли такое поведение королевы вполне естественно и посчитали, как рядовой эпизод в череде событий несомненно более ярких, произошедших за сегодняшний день, даже один вечер.

И от этого он не показался им столь важным, каким стал для меня.

Два мальчика-пажа улыбнулись и кивнули мне, давая понять, что я в составе свиты и мне теперь можно заходить в ее покои когда захочется, и решать все вопросы непосредствен-

но с ней.

Приблизив к себе, она возвеличила меня.

«Приближенный» это слово ласкает слух всегда, когда его произносишь, даже мысленно.

Конечно же никто не догадывался, зачем она приблизила меня, а главное, для чего. Я понимал, что то, чем мы занимались с ней, наверное, неприлично и не совсем хорошо. Но загадочный блеск ее глаз завораживал меня. Палец, который она подносила к своим губам, чуть улыбаясь, это движение притягивало меня налетом таинственности. Как будто она знала какую-то тайну и делила ее со мной, посвящая в то, куда дорога другим была закрыта. Я был благодарен ей за это.

Когда все стали потихоньку расходиться, делясь друг с другом впечатлениями, к нам подошла Оля. Она сказала:

– Коля, садись ко мне на колени. Я буду целовать и гладить тебя. Все мамы так делают.

– Хорошо, – он уселся к ней на колени и зашмыгал носом.

Оля достала платок и заботливо вытерла ему нос. Затем поцеловала.

– Мама не целовала меня так. – Коля облизал губы.

– Как?

– Прямо в губы... В щеку, в лоб, а так...

– Но так тебе приятнее?

– Вообще-то да. Так лучше, пожалуй.

Волк

*Если бы предоставилась такая возможность,
выбрать, каким способом умереть – я бы предпочел
смерть в бою.*

(Из жизни волка)

Что такое любовь? Я представляю, что Это есть и что может быть Этим. Для меня существует нечто сильнее, как мне кажется. Фрагменты, кадры из воспоминаний. Они возникают иногда внезапно сами собой, иногда с усилием. Я слышу знакомый голос, смех или молчаливый взгляд. Это сильнее, важнее тысячи объяснений в любви.

Для меня это так.

В своей прошлой жизни я был волком. Большим и злобным. Днем пока светло я прятался в чаще леса. Там были такие заросли, что луч солнца едва проникал через них. Сквозь сплетенные кроны деревьев не могли пролететь птицы. В сумерки я выходил и охотился. Я разрывал на куски овец и другой скот наводя ужас на всю округу. Меня ненавидели и боялись.

К концу лета окрестные жители собрались вместе и решили меня убить. Они обложили меня со всех сторон с ружьями и собаками. Уже совсем близок был мой конец. Я метался

из стороны в сторону пытаюсь вырваться из кольца. Во время одной из погонь я вбежал на пригорок, стараясь получше оглядеться. Я устал. Бока тяжело вздувались, язык высунулся из пасти и висел дрожащий и розовый.

«Вот и все. Как не хочется умирать в такой хороший день», – подумал я и посмотрел на небо. Оно было чистое, ни одного облачка вокруг. Таким я его никогда не видел. А может не замечал?

Весело щебетали птицы. Даже заяц пробежал в метре от меня, наглец. И тут я вспомнил всю свою жизнь. Всю до мельчайших подробностей. В считанные секунды она пролетела предо мной. Мне стало страшно, обидно и жалко себя. Если бы я умел, то наверное бы, заплакал.

Послышались крики людей и лай собак. Тут я обратил внимание на повозку пылившую на юг. Собрав последние силы, в несколько прыжков я догнал её и забрался туда. Там зарывшись в сено, среди чужих вещей и запахов я избитый и окровавленный заснул.

Очнулся я в доме совершенно мне не знакомом. Все мои раны были перевязаны. Рядом стояла женщина, она улыбалась мне и кормила из своих рук. У неё было такое приветливое, милое лицо и нежные руки, что я сразу поверил ей. И потом от неё так приятно пахло. Я бы узнал этот запах сквозь тысячи похожих.

Ко мне возвращались силы. Темный лес манил меня, но я никогда не покидал этот дом надолго.

Шло время. Она постарела. В её волосах появилась седина, которую она старательно закрашивала. Но для меня она всегда оставалась молодой и красивой. Никого не было лучше её.

Ах как мы играли вдвоем! Она убежала далеко в лес, а я искал её по следам. Было весело и интересно. Её следы пахли особым запахом. Я называл его: «нежный». Различался утренний след (она идёт за водой) и вечерний (возвращается с прогулки). Когда у неё шли месячные, к нежному запаху примешивался запах миндаля. Я искал её следы в любую погоду. Однажды две большие собаки облаяли её возле самого дома. Она заперлась и не выходила, пока те не убежали. Я слышал всё находясь в километре. Это были собаки охотников, какой-то особой хвалёной породы. Вечером я нашел их по следам и убил. Я догнал их возле самой реки. Они знали, что за ними идёт волк, но бежать было некуда.

Раннею весной меня опять обложили со всех сторон. Отравленная стрела попала мне в шею. Я вырвал её зубами, но было поздно. Я стал слабеть. Еле живой я дополз до её дома.

Здесь всё было пропитано её запахом, трава, листья, даже воздух благоухал им. Она выбежала на крыльцо совершенно напуганная.

Я потянулся к ней из последних сил, стараясь лизнуть её руку. Она заплакала, обхватила мою голову и шею руками и гладила, гладила липкую от крови шерсть, чувствуя что

в последний раз. Потом она попыталась втолкнуть меня в дом, но у меня горлом пошла кровь и я умер. Последнее, что я увидел было её лицо. Заплаканные глаза и дрожащие губы. Как жаль. Если бы я мог говорить, я бы сказал ей, как я люблю её. Прощай.

Художник-2

Может это только сон, а может, нет.
И приходят вновь ко мне мечты.
На ладони у меня растаял след.
И далекий образ твой
Манит и зовет с собой.
«Группа «Мираж».

Глава 1. Катя и художник

Художник знал, что Катя приходит к нему по ночам. Сквозь обрывистый и тревожный сон он слышал, как медленно без скрипа открывается дверь и Катя, осторожно ступая, подходит к кровати. Он ощущал ее легкое дыхание на своем лице. Она наклонялась и разглядывала его, затем садилась, приподняв платье, склонялась над ним и целовала его теплыми губами. Иногда ее губы были холодны, а взгляд неподвижен. Он просыпался, но не хотел открывать глаза, чтобы не испугнуть ее.

«А вдруг ее нет, и все это мне кажется», – думал он, и если я открою глаза, то видение исчезнет словно сон. Он боялся прервать его. Так и лежал, не открывая глаз, правда, порою, чуть подсматривал из-под ресниц.

Она протягивала руку и гладила его, чуть касаясь пальцами, подолгу задерживая ладонь на его лице. Что-то шептала при этом еле уловимо. Он целовал ее руку незаметно. Она чувствовала прикосновение губ и не убирала руку. Ей это нравилось. Он вздрагивал от ее прикосновений. Она же улыбалась, замечая это, и смотрела ему в глаза подолгу.

Ее посещения длились несколько минут, затем она уходила, также осторожно ступая, почти не слышно.

Как продлить то короткое время радости, которое она дарила ему своим присутствием? Как задержать счастливые

мгновения столь драгоценные для него и так печально обрывающиеся. Особенно дорого то, что невозможно вернуть. Он не мог их вернуть.

Не далее, как вчера, она легла к нему в постель и, обняв его, рассказывала, как в детстве она сорвала цветок и до сих пор жалеет об этом: «Я хотела найти еще и обошла все поле, но больше не было. Он был один... Как жалко», – сказала она и повторила. – «Как жалко».

Затем она улыбнулась и поцеловала его. Ее губы были мягкими и теплыми. И так приятно и хорошо ему стало от этого. Хотелось еще и еще, и чтобы она не уходила. Вскоре она прекратила свои ночные визиты. Они превратились для него в воспоминания и от этого стали бесценны.

Вчера она пришла к нему вечером и остановилась возле кровати. На ней было платье из черного бархата, а в руках ваза с цветами.

- Ваша грудь больше не болит? – спросила она.
- Нет, спасибо за внимание.
- Почему вы так на меня смотрите?
- Как?
- Пристально, чрезмерно, слишком откровенно...
- Вы мне нравитесь, поэтому. И вы это знаете.
- Надо же, – она улыбнулась. – Так прямо.
- А вы?
- Что?

– Тоже смотрите.

– А как я еще должна на вас смотреть при таком разговоре?

– Думаю, нам надо объясниться.

– Мы уже объясняемся, – она кивнула на прощание. – Хорошо сказано.

Затем поставила воду с цветами на стол и вышла.

Он застонал и проснулся. Не раз вставал и подходил к мольберту, изображая всполохи красок. Думал: «Может это тот сон, который приснился мне после ее посещения?». Чудные линии, тянувшиеся от центра в разные стороны. Мысленно он разговаривал с ней, и ему казалось, что она отвечает. Он видел ее лицо и глаза, но не мог передать на холсте. Так сложно. Все то, что видел во сне, он пытался изобразить красками.

Яркие цветы, приснившиеся ему, либо просто небо. Но небо иногда так похоже на море! Каждый вечер он менял лист на мольберте, а наутро он оказывался изрисованным. Похоже, он касался его кистью во сне, но ничего не помнил. Ему казалось, что она говорит все то, что он хотел услышать:

– Когда ты бежал, там, в лесу, что ты чувствовал? Ты не думал о том, что можешь умереть?

– Я не помню, о чем думал, – ответил он, подняв на нее изумленный взгляд.

– Вот так просто, – прошептала она, приблизив лицо. – Ты никогда бы не увидел ни этот лес, ни парк, ни деревья, ни

солнце на небе. А знаешь, какое оно бывает яркое? И тебе не жаль?

Он ответил ей:

– Я бы никогда не увидел тебя – вот, чего мне действительно жаль, но тогда я не понимал этого.

– Я тоже хочу немного счастья, – продолжила она, обнимая его. – Пусть и такого. А ведь там, – Катя показала рукой вверх. – Ничего нет. Это все сказки про вечную жизнь. Там темнота и пустота. Понимаешь? Поэтому так все цепляются за жизнь, и как больно и жалко ее покидать.

– Но если это правда? Если там лучше? – возразил он.

Она еще раз повторила:

– Там пустота.

Потом начались дожди, как обычно бывает осенью. Бинты сняли, и он подолгу стоял у окна, наблюдая, как капли стекают по стеклу. Он смотрел на сад омытый дождем, на деревья, теряющие листву. Там еще оставались цветы, и они радовали его. Ему хотелось потрогать их, и он спускался вниз, открывал калитку, подходил к ним и дотрагивался.

В один из таких дождливых дней, вечером, Катя пришла к нему с маленьким ребенком. Она держала ребенка за руку, в его же руке был игрушечный медведь, он сжимал его за одно ухо.

– Это кто? Мальчик или девочка?

– Мальчик, – она оправила мокрые волосы, сняв капюшон.

– Откуда он? Сколько ему?

– На дороге нашла, он сидел на обочине. Его мать машиной задавило, третьего дня. Ему года четыре, наверное. Если никто не придет за ним, оставлю себе. Я уже распорядилась сделать детскую в одной из башен.

Мальчик стоял и разглядывал комнату. Он медленно вышел на середину, с любопытством осматриваясь, и тут же поспешил назад к Кате. Он обхватил ее ногу и прижался к ней лицом. Затем посмотрел на художника и улыбнулся. Катя тоже улыбнулась, глядя на него.

– Похоже, вы совсем не хотите, чтобы за ним кто-то пришел? – заметил художник.

– Нет, не хочу. Я привыкла к нему.

– А как его зовут?

– Не знаю. Назову как-нибудь. Хотите вместе имя придумаем? Назовем его, также как и вас – Борис... Боря. Вы не против?

– Нет, не против. Давайте. Он здоров?

– Да. Доктор осмотрел его в первый же день. Он здоров. Две ссадины, один синяк, ну еще колено ободрано, вот, пожалуйста, и все.

Мальчик отпустил ее ногу и, отступив назад, схватил ее за край платья и потянул обратно к двери.

– Это он спать хочет, – Катя погладила ребенка по голове. – Всегда спит после обеда. Она повернула к художнику лицо и сказала задумчиво, с таинственным блеском в глазах:

– Он никогда не плачет, очень смысленный. Даже если ему больно. Ни одной слезинки за все это время. Как странно, согласитесь...

– Да, действительно. Видать по всему, что смысленный.

– Какой вы бледный... Перестаньте ходить по ночам, – Катя подошла вплотную к нему вместе с мальчиком. – Я приду к вам этой ночью, – прошептала она. – Вот видите, даже он вас просит, – она кивнула в сторону ребенка. Тот поднял голову и смотрел очень внимательно и серьезно.

Они пошли к двери. Катя наклонилась, подняла игрушечного медведя и, открывая дверь, еще раз посмотрела на Бориса.

После одного из визитов к художнику, Катя встретила доктора. Он шел ей навстречу со своим саквояжем.

– Знаете что, Евгений Степанович.

– Что?

– У меня к вам одно дело. Но об этом после. Давайте-ка отправим нашего Борю отдохнуть куда-нибудь? В санаторий или дом отдыха. Что-нибудь в этом роде. Пусть порисует свои пейзажи и успокоится.

– Да, вы правы. А то он что-то совсем зачах. Наверное, так будет лучше.

– К тому же у меня есть для него еще один заказ. Он вдохновит его, без сомнения.

– Как ваш малыш? И что за дело?

– Спит. Я купила ему конструктор «Лего». Он возился

с ним, пока не устал. Успел собрать домик и заснул прямо на полу, у меня в кабинете. Я отнесла его в кроватку и уложила. Наверное, он будет строителем.

– Рад за него. Но вы не ответили, что за дело.

– Мне нужны ваши ампулы. Сейчас сами увидите.

Она проводила доктора в кабинет и подошла к окну. К дому подъехала машина. Из нее вывели человека в наручниках, с мешком на голове и повели в кабинет Кати. Она встретила их со словами:

– Ну, наконец-то! Я заждалась! Сейчас узнаем, что и откуда! А вы, Евгений Степанович, идите к себе и приготовьте шприцы. Пришлите их с кем-нибудь и отдохайте. Сюда не приходите. Я сама справлюсь.

– Так вот зачем... Он может не выдержать. Это опасно, – доктор попытался возразить, но, не решившись, поспешно ушел.

Один из охранников сдернул мешок с головы человека. Им оказался молодой парень-программист из основного офиса фирмы. Его зовут Саша. На его лице видны следы побоев. Служба безопасности, при обыске, нашла в его вещах номера счетов в зарубежных банках. Он попытался их передать, но не успел. Человека, который должен был их получить, задержать не смогли. Теперь надо выяснить, кому он должен был их передать. Программиста привязали к стулу. Катя подошла вплотную к нему, разглядела его как следует и сказала:

– Саша, Сашенька! Дерзкий! Негодный мальчишка! – она размахнулась и со всей силы ударила его по лицу, – Неблагодарный! Рассказывай все, что знаешь!

Парень повел головой, сплюнул кровь и ответил с ухмылкой:

– Не дождетесь!

– Что?! Ах, ты щенок! – Катя брезгливо взяла его пальцами за подбородок, – Я приняла тебя на работу! А ты, что наделал? Разве мало я тебе платила? Ты получал такие бонусы, о которых другие сотрудники только мечтали. И как ты отблагодарил меня? А?

Саша замычал и улыбнулся, крутанул головой, пытаясь сбросить ее руку со своего подбородка. Затем выдавил презрительно, глядя ей в глаза:

– Сучка ты старая... Бешенная. Тебя так и называют...

Катя отступила на один шаг, вытерла руку платком и произнесла с сожалением:

– Тебе будет очень больно. Ты готов к этому?

Саша пожал плечами и грустно улыбнулся. Сплюнул на пол, стараясь попасть на ее туфли, хихикнул:

– Послушай, что о тебе говорят...

Катя отступила назад и, посмотрев на свои туфли, ответила резко:

– Мне не интересно слушать болтовню разжиревших домохозяек! Разве я такая старая? Катя начала прохаживаться вокруг него, рассуждая:

– Что плохого в старости? Разве я плохо выгляжу? – она удивленно развела руками – Разве дашь мне столько лет, сколько есть на самом деле?

Она оглянулась на охранников. Те согласно закивали головами. Удовлетворенная, она подошла к программисту и взяла его за ухо, покручивая. Саша, скривился от боли, и гневно посмотрел на нее.

– Красота есть и в том, что делает с нами время – продолжила Катя, монотонно-назидательно – Разве седые волосы не красивы?

Она еще сильнее крутанула ему ухо. Саша сжал зубы, чтобы не закричать, зашипел, задергал коленками. Катя продолжила, крепко держа его за ухо:

– Но мне, из-за таких сосунков как ты, приходится их закрашивать. Им, видите ли, это кажется некрасивым. Что с них возьмешь?

Катя отпустила ухо, вытянула руку в сторону и шелкнула пальцами. Один из охранников надел на ее руку перчатку. Саша облегченно вздохнул, но тут же охнул от полученного удара. Голова его бессильно повисла набок. Вошел Евгений Семеныч с ампулами, испугался и говорит с порога:

– Что вы делаете, Екатерина Ивановна?!

Катя обернулась к нему со словами:

– Разбираюсь. Пробую разобраться...

– Вы сошли с ума! – доктор подошел к ней и изумленно посмотрел – У вас руки в крови! Вы же его убьете! Как мож-

но?

– Не надо так реагировать, – ответила она сдержанно – Я же просила вас не приходите сюда. Вы не понимаете. У него нашли номера моих счетов в зарубежных банках. Как-ково..?

– И это все из-за этого? – искренне удивился доктор – Но позвольте! Из-за каких-то там номеров?!

– Да! Представьте себе! – Катя сняла перчатку и швырнула ее на пол – Для вас это просто номера. Для меня же нечто большее. Это моя работа! Жизнь, которую я этому посвятила!

– Я вас не понимаю! Я думал, что любовь изменит вас в лучшую сторону – продолжил Евгений Степаныч, волнуясь еще больше – Я уеду, сейчас же!

– Никуда вы не уедете! – Катя подошла к Саше и рукой подняла его голову, вытерла платочком кровь, посмотрела внимательно, – Сполосните-ка его. Пусть очухается.

Охранник принес ведро воды и вылил Саше на голову. Тот пришел в себя, завращал глазами, пытаясь понять, что происходит.

– Ну-ну-ну! – Катя хлопнула его ладошкой по щекам – Вот и молодец. Хороший мальчик. Сейчас мы тебе укольчик сделаем. Как комарик кусается? И совсем не больно. Тетенька хорошая...

– Все! Я уйду! Есть ли у вас сердце? – закричал доктор – Не хочу в этом участвовать!

– Убирайтесь к черту! – Сделав укол Саше, Катя указала доктору на дверь – Только больше мне свои счета не приносите!

– Как угодно, мадам! – Евгений Степанович выбежал, хлопнув дверью.

– Не выпускайте его за территорию! – она сделала знак охранникам – Пусть здесь посидит. Утром будет как шелковый!

– Вот черт! А ведь он был прав! – она потрогала пульс на руке Саши – Досадно! Уберите его. Он больше ничего не скажет. А жаль.

Охранники вынесли тело. Вошел Сергей Иваныч. Окинул взглядом комнату, посмотрел на Катю, заметил следы крови на полу и глубокомысленно сказал:

– Все это вам нравится, как и прежде... Похоже на то.

– Да! – ответила Катя и улыбнулась – Люблю знаете ли... Нравится сам процесс. И потом приятно посмотреть на перекосенную рожу этого предателя.

Катя устало села на стул, вынула сигареты. Стоящий рядом охранник щелкнул зажигалкой. Она посмотрела на него, затаилась и задумчиво произнесла:

– Остается найти его девчонку. Если она еще не сбежала...

Охранник понимающе кивнул головой и вышел. Сергей Иваныч, неторопливо, сделал круг по комнате и остановился:

– Я тоже, признаться, не ожидал от него. Ловкач! Но и мы не лыком шиты!

Катя тут же подхватила:

– Так поступить со мной! Какое коварство! А сколько злобы на лице!

Лицо ее внезапно приобрело растерянно-печальное выражение. Как будто она, наконец, вспомнила, что-то очень важное, то, что долго не могла вспомнить. Задумчиво глядя в одну точку, прямо перед собой, она продолжила грустно:

– А ведь он мне когда-то нравился. Симпатичный, скромный такой... Застенчивый...

– Что теперь от него осталось? ... – сказал Сергей Иванович таким же грустным голосом и вышел.

– Пршла любовь, завяли розы... – протянул он нараспев из глубины коридора.

Катя, некоторое время сидела, затем бросила взгляд на дверь, за которой скрылись все присутствующие и сказала наставительным тоном:

– А вот и нет! Неправда ваша. Я умею любить, и любима! И сердце у меня есть. Оно просто тверже, чем ваше.

Затем встала, потушила окурок в пепельнице, потянулась, разминая затекшую спину, и тоже вышла.

Надежда – это самая чувствительная часть души того, кто страдает и испытывает боль.

Маркиз де Сад «К госпоже де Сад»
(Письма из Венсенна)
20 февраля 1781 г.

Глава 2. Ольга

Ольга подошла к окну и, приложив руки к лицу, несколько раз провела по нему ладонями. Одиночество и в душе пустота. Она вышла на улицу. Как найти того единственного, что станет дороже всех? Почти каждый вечер она оставляла машину в одном из переулков и ходила одна по пустынным асфальтовым улицам, мокрым и прохладным после дождя, сухим и теплым после жаркого дня. Ее шаги гулко отдавались в полумраке. Такие прогулки повторялись все чаще. Это были шаги одиночества. Как тихо было вокруг, лишь иногда, где то далеко слышался звук проезжающей машины, и тусклый свет фар освещал дальние улицы. Ей было грустно. Иногда эта грусть появлялась внезапно и подолгу не покидала ее. Ольга чувствовала, что она живет в ней, и ощущала ее присутствие ежедневно и ежечасно. «А может он, мой единственный, в это время искал меня и, вероятно, также страдал от одиночества?»; думала она, пихая пустую сигаретную пачку, попавшую под ноги.

В выходные она совершала свои прогулки и днем. Но днем они были короче и грустнее. Ей казалось, что все ходят парами, а она одна. Ольга чувствовала себя неловко и спешила домой, где было уютнее и привычнее для нее. Там ее никто не разглядывал и не смотрел так оценивающе. Не было этого «ощупывания».

Она лишь видела себя в зеркале. Но странно, отражение успокаивало ее. Она махала себе рукой и улыбалась.

В один из вечеров она почувствовала себя так грустно, что гулять больше не хотелось. Она поехала домой. Чем ближе она подходила, тем увереннее себя чувствовала. С каждым шагом плечи ее распрямлялись, от грусти не осталось и следа. Но все равно, такие происшествия портили настроение, оставляя неприятные впечатления на оставшийся день. Она хотела немного посидеть в тишине своей комнаты, подумать о чем-то хорошем, успокоиться.

Едва она потянула за занавеску, чтобы задернуть шторы, как плотная ткань подозрительно ослабла, а наверху послышался треск. Она отошла назад, чтобы карниз не упал ей на голову. И тут неприятности! Она вздохнула, спустилась во двор и закурила, грустно опустив голову. Сигаретный дым попадал ей в глаза, заставляя жмуриться, пошли слезы.

– Ольга, вы плачете? Вас кто-то обидел? – На нее смотрел один из рабочих, в его руке была большая лейка.

– Вы поливаете цветы? – спросила Ольга, с интересом его разглядывая.

– Да. Каждый день, – он поставил лейку на землю. – Но почему вы плачете?

– Я не плачу, это дым. «Надо же, давно меня никто не жалел, кроме мамы. Непривычно. Это, наверное, о нем она рассказывала».

– Послушайте, вы не могли бы помочь мне в одном деле? –

спросила Ольга, глядя ему в глаза.

– Охотно, – тут же ответил он и с готовностью подошел ближе.

«Похоже, я ему нравлюсь». Ей захотелось погладить его, может даже поцеловать. «Довольно мил. С таким не грех и попробовать». Они пошли в комнату.

– Вот, видите? – она показала рукой на правый угол окна, а другой рукой слегка обняла его. – Какая неприятность случилась, мне не сделать это одной.

– У вас есть молоток? – спросил он, разглядывая крепление карниза.

– Конечно. Вон там, за диваном, в деревянной коробке все инструменты – Ольга проводила его, слегка обнимая.

Его тело было мягкое и теплое. Эта теплота шла, казалось, сплошным потоком через ее руку. Она чувствовала, как он дышит, ладонью, на ощупь, даже как билось его сердце.

«А если я обниму его еще крепче, оно забьется еще сильнее?» – подумала Ольга и представила, почему-то птичку в клетке, а рядом кошку с глазами, горящими зеленым огнем. «Птичка – он, кошка – я. Попался, мальчик! Теперь никуда не денешься!»

Он принес лестницу и быстро все исправил.

Она наблюдала за ним в полной готовности, не зная, с чего начать, затем подошла и сказала с выражением:

– Какой вы ловкий! Нам, женщинам, никак не обойтись в этой жизни без мужчин. И в самом деле... Положительно

никак! Спасибо, вы так мне помогли.

Он засмутился и улыбнулся.

– Что бы я без вас делала? – сказала она и подошла ближе, качая головой.

– Пожалуйста. Вообще-то ерунда, – он засмутился еще больше, даже покраснел, чувствуя близость ее тела (Ольга стояла вплотную к нему).

– Ах! Иногда все из рук валится, сплошные неприятности, – промолвила она томно, закатив глаза, поправляя волосы.

У нее все горело внутри. Она не знала с чего начать.

– Чем я вам обязана? Одним «спасибо» тут не обойтись, надо обязательно дать какую-нибудь монетку, а то снова отвалится. Примета такая, ведь так?

Он пожал плечами.

– Любишь мороженое? – спросила она, доставая кошелек.

– Да. Кто его не любит. Но есть кое-что послаще, и повкуснее мороженого, – он поднял на нее сияющий взгляд.

– Конфеты? торт? Может, халва? Ну-ка продолжай!

– Нет. Все сладости, какими бы сладкими они не были и как бы дорого не стоили, не могут сравниться с поцелуем такой женщины, как вы! Один поцелуй? Согласны?

Их глаза встретились впервые за все время беседы. Он боялся, что она откажет ему и не мог скрыть волнения, охватившего его, едва он произнес последнюю фразу.

– Ах, ты какой! – сказала Ольга, опустив ресницы.

А сама подумала: «Весь день бы с таким целовалась. Чтоб мне пропасть!».

– Ну, хорошо, – сказала она тихо и добавила еще тише, сделав вид, что тоже взволнована. – Я согласна!

«Да», – подумала она через некоторое время. – «Это не так просто обращать на себя восторженные взгляды, надо предполагать, что за ними может последовать. И быть готовой ко всему. В жизни вообще все непросто».

Их губы сомкнулись. Они поцеловались. Он опустился ниже, целуя ее шею и грудь. И тут же отпрянул.

– Извините, я забылся, мы насчет этого не договаривались. Наверное, уже все? – лицо его покраснело.

– Надо же, какой ты честный! – промолвила Ольга, игриво взглянув на него. – Есть вещи, о которых не обязательно договариваться. Все получается само собой. Одно вытекает из другого, подобно ручейкам, ищущим себе дорогу по весенней нагретой солнцем земле. Они текут себе, куда захотят, весело журча.

Она привлекла его к себе и обняла.

– Вы сводите меня с ума! – зашептал он горячо.

– Это еще не все. Наш звонкий ручеек, только начал свой бег, – зашептала она в самое его ухо. – Я хочу посмотреть, как ты кончишь. Стиснешь зубы или закричишь? Мое тело ждет новых поцелуев! Продолжим. Пусть ласкам не будет конца!

Ольга снова представила себе птичку в клетке и сильнее

сжала его в своих объятиях.

И снова они целовались, но это были уже другие поцелуи, решительные, уверенные и более страстные, чем первые. Он закричал, как она и предполагала, и ей пришлось зажать ему рот.

– Тихо, миленький, тихо, – успокаивала она его. – Я не ошиблась в тебе.

Второй раз она уже сделала все сама, свободной рукой продолжая зажимать рот, глядя в глаза. Это утолило ее страсть, но отчасти. Она насладилась, но не в полной мере. Они оба устали. Он устал больше. Это было заметно. Тело его ослабло и стало мягким. Тук, тук – там, в глубине билось его сердечко часто-часто.

– Мой мальчик устал? Давай отдохнем.

Он тут же уснул. Она же обдумывала план дальнейших действий, но на ум как назло ничего не приходило. Ольга повернула голову и посмотрела на него внимательнее. «Когда-то и я так лежала, уткнувшись лицом в мамину мягкую грудь. Совсем как в детстве», – рассуждала она про себя с улыбкой. – «Каждая женщина инстинктивно стремится стать матерью. Это стремление заложено в ней природой с самого детства (куклы есть у каждой девочки). Если у женщины нет ребенка, то она заменяет его чем-то или кем-то: собачкой, кошечкой, мужчиной. В данном случае, мужчина служит объектом заботы и внимания, воспитания, если угодно. Она переносит на него то, что не смогла перенести на ре-

бенка. Учит его, подсказывает, направляет его деятельность в нужную сторону. Эта сторона может быть и неправильной, главное, чтобы женщина считала ее правильной.

На прощание он поцеловал ей руку. Ей понравилось, как он это сделал, – низко наклонившись, посмотрел в глаза. Она улыбнулась ему и кивнула головой.

«Ведь это так приятно, когда тебе целуют руку», – думала Ольга, провожая его взглядом. – «В ожидании поцелуя руку можно вытянуть, можно держать полусогнутой. Иногда даже пальцы трепетно дрожат от прикосновения губ. Но ведь всегда можно отдернуть, если что-то не понравится. Да, все с этого начинается, с невинного поцелуя. Знак признательности и уважения к женщине, простая вежливость, наконец. На самом деле, это лишь повод, чтобы коснуться губами, дотронуться до голого тела. Оба это понимают, каждый по-своему. Я представляю одно, он может другое. Но если наши желания и мысли совпадают? Если мы хотим одного и того же? Зачем оттягивать и к чему притворяться? Играть в «прилично» и «неприлично»? Я могу догадаться по тому, как он смотрит на меня, по выражению глаз. Чего он хочет? И хочу ли я того же, сокращая нам путь до постели, до еще большего прикосновения друг к другу. Необходимо определить, зачем тебе тот или иной мужчина. Навсегда или на одну ночь?

– До свидания, – Ольга помахала ему рукой, видя, что он остановился в дверях, и закрыла глаза: «И далее о поцелу-

ях: Они раздувают огонь страсти, не давая ему погаснуть. Иногда они похожи на озябшую руку, желающую согреться и от этого подбрасывающую дрова в костер».

– А деньги?

– Какие деньги? – она открыла глаза и удивленно посмотрела на него.

– Я думал, вы дадите мне деньги. Не то я все про вас расскажу. Все узнают, какая вы развратная.

Ольга села на кровати, отбросив одеяло, и стала быстро одеваться.

– Ты ничего не скажешь!

– Скажу!

– Нет!

– Посмотрим.

– Ну, так смотри же! – с этими словами Ольга схватила стул и ударила его по голове. Он упал, неловко махая руками и задев за край стола, растянулся на полу. Она подошла, наклонилась над ним, поправляя волосы, сказала:

– Телесные страдания укрепляют дух, не так ли? Думаю, что тебе пойдет это на пользу.

– Вы сумасшедшая, – произнес он, всхлипывая и размазывая кровь из разбитого носа. На его лбу вздулась большая шишка.

– Вам все равно придется мне заплатить!

– Ах ты, вымогатель малолетний! – Ольга схватила его за ворот рубашки. – Ты еще не знаешь, что тебя ждет! – она

сжала сильнее, оторвав пуговицу.

– У вас деньги есть, я знаю! Придется поделиться со мной. Отпусти, мне больно! – он попытался отпихнуть ее руку, сжимавшую шею. Глаза его закрылись, он тяжело дышал.

Она молчала, выжидая, отпустив его, время от времени бросая взгляд на свою сумочку, где лежал нож. Вид крови только возбудил и подстегнул ее к дальнейшим действиям.

Но вот он открыл глаза и привстал, опираясь на руки, пугливо поглядывая на Ольгу, прошептал, опустив глаза:

– Мне всегда нравились такие женщины как вы...

– Да ну! Это интересно, продолжай... – она хотела ударить его, но опустила руку. – На! Вытрись! – бросила тряпку со стола.

– Вы мудры и опытни, – сказал он, слегка успокоившись, приложив тряпку под нос. – С расчетливым умом и холодным взглядом полным цинизма и уверенности.

Он замолчал, повернулся, пытаясь встать, но, охнув, остался сидеть в той же позе. Затем нервно рассмеялся и с искривившимся от боли лицом продолжал:

– Такой женщине не скажешь: «Иди на кухню! Там твое место», – он поднял голову и посмотрел на Ольгу затуманенным взглядом. – Вы выше кухонь и стиральных машин, – прошептал он, – вы чище!

– Да ты, я вижу, совсем рехнулся? – Ольга выпрямилась.

– Что? Любви захотелось? Романтики? – он снова рассмеялся.

– Да что ты об этом знаешь? Заткнись!

– Ха! Ха! Правда глаза колет! Что, Ольга, тоска по красивым чувствам покоя не дает?

Не выдержав, она ударила его по лицу. Он уронил голову, закашлялся, выплескивая капельки крови, и продолжил дрожащим голосом, все так же улыбаясь:

– Тоска по красивым чувствам... мешает? Ах! Она покоя не дает...

– Ты выведешь меня из себя, – закричала Ольга и ударила его изо всей силы. Затем еще и еще, била уже ногами, поправляя растрепавшиеся волосы, тяжело дыша. Устало присела на диван. Он лежал неподвижно и смотрел в потолок, не мигая. Не помня себя, Ольга выбежала из комнаты, повторяя: «Что я наделала?» Интересно, а Сергей Иванович уже ушел или еще на работе? Она знала, что по пятницам он всегда задерживался допоздна, возился в своем кабинете, собирая коллекцию бабочек.

Ольга подошла и посмотрела издали на его окна, там горел тусклый свет.

Она постучала и вошла. Сергей Иванович сидел за письменным столом и разглядывал что-то в лупу.

– Сергей Иванович, добрый вечер! – сказала она, постучав и отворив дверь.

Он поднял голову, посмотрел на нее и отложил лупу в сторону.

– У вас бледный вид! Да не тяните же, что произошло? –

произнес он, вставая, улыбнулся, но глядя на ее встревоженный вид, убрал улыбку с лица.

– Этот мальчик, новый садовник, я оставила его там лежать...

Сергей Иванович помрачнел и осунулся.

– Да? Ну, жив, слава Богу, и ладно! – сказал он нерешительно и вопросительно посмотрел на Ольгу.

– Не знаю. А если он умрет? Мне страшно, – ответила Ольга еле слышно.

Сергей Иванович принялся не спеша прохаживаться по кабинету, сложив руки за спиной.

– Надеюсь, вас никто не видел? Свидетелей не было?

– Он снова вопросительно посмотрел.

– Нет. Ничего. Он облегченно вздохнул, снял очки и, достав платок, вытер вспотевший лоб.

– Никогда не видела вас в очках.

– Возраст, видите ли. Читаю, а буквы плохо вижу, они расплываются, – он облегченно вздохнул, сел на диван и опустил голову. – Неужели все так серьезно? Этого еще не хватало!

– Сергей Иванович, я не думала...

– Ну что, Сергей Иванович? Я шестьдесят лет Сергей Иванович! Ну что же так неосторожно... Вы хотя бы дверь закрыли?

– Я не помню. Так получилось, – ответила она виновато.

– Свидетелей точно не было?

– Нет. Точно.

– Вот и хорошо. Это радует. В конце концов, он был нервным и неуравновешенным, сам виноват. – Сергей Иванович встал с дивана и подошел к окну. – Ладно, не расстраивайтесь. Вообще-то надо было вызвать скорую, а то как-то нехорошо получается. Оставили, можно сказать... неоказание помощи и тому подобное.

– Я была страшно напугана, не соображала, что делаю.

– Понимаю, понимаю... – он вздохнул, – пойдем, посмотрим, что с ним.

Они вышли и пошли по коридору, по дороге зашли к Екатерине Ивановне. Катя сидела за столом, курила и просматривала бумаги.

– Почему такие напряженные лица? Что-то случилось? – Катя окинула их взглядом, когда они вошли.

– Есть тут одна проблема, – протянул Сергей Иванович и вкратце рассказал происшедшее. Катя выслушала его, молча, затем закурила и сказала:

– Я знаю, как это бывает. Он стал угрожать, говорил, что все расскажет. Думал, дурачок, что ты ему заплатишь. Здесь, в данном случае, необходимо сразу обрубить все концы. Потом он снова денег попросит, потом еще и еще.

– А если он умер? – тихо произнесла Ольга.

– Ну, умер и умер. Подумаешь, событие, какое! – Катя всплеснула руками. – Что из того?

Она потушила сигарету, посмотрела на Ольгу внимательно-

нее и сказала после недолгой паузы:

– Одним рабочим больше, одним меньше... какая в сущности разница?.. Что вы на меня так смотрите?

– Вы правы, – сказал нерешительно Сергей Иваныч. – Возьмем другого рабочего, еще лучше, чем прежнего.

Ольга смотрела все это время на мать виноватым взглядом.

– Вообще-то меня сейчас занимает совсем другое, – Катя выдвинула ящик стола и нагнулась к нему. – Куда я могла его положить?

– Ах! Вот, последняя выписка из банка.

Некоторое время она разглядывала лист бумаги, который достала из ящика. Затем взглянула на дочь и сказала:

– Все эти гастарбайтеры из глубинки... У них, как правило, семьи.– Катя зло усмехнулась. – Это здесь они притворяются, что не женаты, ищут дурочек, которых можно доить словно коров, чтобы послать побольше денег домой и самим не тужить.

Затем, обращаясь уже к Сергею Иванычу, добавила твердо:

– Идите, посмотрите, что с ним, и сбросьте его в воду. Если не умер, все равно захлебнется. Взгляд ее при этих словах сделался пронзительным и колючим.

– Жалко его, молодой такой, – сказал Сергей Иваныч со вздохом.

– Всех не пережалеете, – ответила Катя. – Ну, все, идите! –

она сделала изящный взмах рукой.

Ольга с Сергеем Ивановичем вышли и остановились в коридоре, пройдя несколько шагов.

– Знаете, Сергей Иванович, я не пойду туда, не могу. Ольга отошла в сторону.

– Конечно, вы идите лучше ко мне, посмотрите коллекцию бабочек, – ответил Сергей Иванович, – попейте кофе, успокойтесь. И чего вы нашли в нем? Связались с мальчишкой...

– Ой, и сама не знаю. Он такой гадкий оказался...

В этот момент мимо них прошла Верочка.

Ольга обернулась к ней:

– Верочка, вы, пожалуйста, не убирайте сейчас мою комнату. Придите вечером. Хорошо?

– Хорошо, хорошо. – Верочка закивала головой, улыбаясь и пошла дальше.

– Знаете что, Сергей Иванович, – Ольга сделала таинственное лицо. – Я передумала.

– Что?

– Каждый должен хоронить своих мертвецов сам, – сказала она шепотом. – Это где-то у Стивена Кинга я читала, кажется.

Сергей Иванович удивленно посмотрел на нее.

– Ну, давайте я хоть помогу вам, – предложил он. – Пойдем все-таки вместе. Ей Богу!

Они вошли в комнату. Тело лежало на месте.

– Я даже не знаю, как его зовут, этого мальчика. – Ольга испуганно остановилась и закрыла лицо руками.

– Вы берите за ноги. Я за руки. Теперь это не имеет значения. Необходимо избавиться от трупа. – Сергей Иваныч с готовностью подошел к лежащему и нагнувшись, взял его за плечи.

– Подождите, – Ольга подошла к письменному столу и, достав скотч, принялась обвязывать им тело мальчика, руки и ноги.

– Смотрите! – воскликнул Сергей Иваныч. – Он жив, у него ресницы задергались.

– Вам показалось, – Ольга оборвала скотч зубами и тоже посмотрела.

– Нет, не показалось. Смотрите сами.

– Я так этого не хотела! – Ольга поморщилась – Думала, все закончилось...

Сказав эти слова и изобразив страдание на лице, она достала из сумочки нож, встала на колени и, занеся его обеими руками высоко над головой, вонзила раненому в грудь. Сергей Иваныч отвернулся, не желая смотреть на происходящее. Мальчик дернулся, захрипел, изо рта выплеснулись сгустки крови, и попали Ольге на лицо. Она брезгливо повела головой и, вытираясь рукавом платья, встала.

– И давайте быстрее, – произнесла Ольга вздыхая. – Отнесем его и выкинем в реку прямо у окна башни. Тут недалеко. Зачем еще в лодку грузить?

Они так и сделали.

– А это вы хорошо придумали, – сказал Сергей Иванович, глядя, как тело плывет по реке. – Действительно. Раз и все!

Ольга закрыла окно и улыбнулась:

– Где же ваша коллекция бабочек? Я хочу на нее посмотреть.

– Извольте! – Сергей Иванович подал ей руку. – Но сначала зайдём к вашей матушке.

Они вошли в кабинет. Екатерина Ивановна, сидя за столом в той же позе, подняла на них усталый взгляд и сказала, обращаясь к Сергею Ивановичу:

– Спасибо. Вы свободны.

Сергей Иванович вышел, пожимая плечами и оглядываясь. Катя посмотрела на дочь и холодно произнесла:

– Вы преуспели, моя милая. Поздравляю!

– У вас учусь, – ответила Ольга таким же тоном – Я всего лишь поиграла в любовь. Разве нельзя?

Она посмотрела на мать и добавила:

– Вам можно, а мне нельзя?

– Я этого не говорила, – Катя взяла сигарету и щелкнула зажигалкой, разглядывая дочь. – Отчего же нельзя? Можно... Но осторожно.

Ольга сделала неопределенный жест рукой. Воцарилось молчание. Катя прервала его первой:

– И в чем загвоздка? Нельзя было осторожнее? – сказала она раздраженно.

– Ему понадобились деньги. Так получилось, – неуверенно оправдалась Ольга.

Катя притворно удивилась и посетовала, повышая голос, качая головой:

– Неужто? Ах! Бедный мальчик! Ему нужны были деньги... Ай-яй-яй! Как трогательно! Я сейчас заплачу... Прямо, сердце разрывается! – она потушила сигарету и всхлипнула.

– Перестаньте! – выкрикнула Ольга.

– Хочешь знакомиться с мальчиками? – Катя улыбнулась.

– Да, мама! Хочу! А вы пасете меня как школьницу!

– Ты не понимаешь, что это такое!

– Нет, понимаю! Я хочу ехать с ним в машине. И чтобы ветер в окно! И по радио «Ласковый май»!

– Ольга!

– Да, мама...

– Подойди!

Ольга подошла. Катя встала, обняла ее, и крепко прижимая к себе, погладила. Зашептала, нежно трогая ее волосы:

– Почему такие ленточки? Цвет не тот... Он не идет к платью. Попробуй другой оттенок.

– У меня нет... Я искала...

– Посмотри в моей комнате. – Катя отстранила дочь и посмотрела ей в глаза, – Сиреневая коробочка. Когда ты была маленькой, то всегда туда лазила.

– А вы меня ругали, – ответила Ольга улыбаясь.

– Потому, что ты не ложила ее на место. – Катя снова при-

жала Ольгу к груди. – Ну, все. Иди к себе и отдохни. Ты устала. Почитай чего-нибудь.

Они попрощались. Ольга пошла к себе, а Катя, открыв коробку и разложив ленточки для волос на столе, стала сравнивать оттенки и, подобрав похожие, откладывает их в сторону. Время от времени она поглядывала на часы, явно кого-то ожидая. Постучавшись в дверь, на пороге возникла горничная. Следом за ней вошли двое мужчин. Их небритые лица, воспаленные глаза и весь вид говорили о том, что они провели в дороге немало времени, и кроме того, возможно, совсем недавно пережили тяжелые события, отпечаток которых еще не успел сойти с их лиц. Несмотря на усталый вид, они остались стоять, всем своим видом показывая, что хотят сказать нечто очень важное, незамедлительно, безотлагательно и без посторонних. Катя, заметив это, встала, отложив ленты в сторону, и взглядом отпустила горничную, проводившую их. Как только за ней закрылась дверь, один из вошедших сказал:

– Мадам! Мы потеряли два корабля и почти всю команду! Все кончено!

– Что с капитаном? – спросила чуть слышно Катя и внутренне напряглась, боясь услышать страшный ответ.

– Жив! Слава Богу! – подал голос другой – Он не в себе, придет позже. Наше положение... Оно весьма тяжелое, – он повел головой из стороны в сторону и печально улыбнулся.

– Ну, вот, другое дело. – Катя облегченно вздохнула. –

А вы говорите, все кончено, – не сводя с них глаз, она медленно к ним приблизилась и вдруг выкрикнула, выплескивая все, что накопилось внутри:

– Нет, не все! – сжав кулаки, Катя потрясла ими в воздухе. – Найдите корабль! Учтите все ошибки!... Поражение это урок!

Они стоят неподвижно и заворожено смотрят на нее, не решаясь ответить. Один из них, немного помедлив, произнес нерешительно, с сожалением в голосе:

– Мы больше не сможем...

– Сможем! Еще как сможем! – она, быстро сделала несколько шагов, сокращая расстояние, и подойдя к ним вплотную, произнесла с упоением:

– Скоро у меня будет оружие, и я не позавидую ни одному военному кораблю, который осмелится бросить мне вызов! – добавила уже спокойнее – Простите за тон. Вы пострадали, я вижу, и устали с дороги. Мой дом в вашем распоряжении. Вас проводят.

– Да, мадам, уж натерпелись... Почти всю ночь добирались.

– Ступайте и отдохните – Катя плавным взмахом руки отпустила их, позвала горничную.

Глава 3

Борю отвезли в санаторий. Там он предался творчеству и размышлениям. Персонал, поначалу, относился к нему настороженно, считая богатеньким выскочкой, но так, как пребывание его было оплачено щедро, вслух ничего не высказывал. Вскоре, он изменил свое мнение. Были и другие отдыхающие, но в основном люди пожилого возраста, семейные. С директором он сошелся особенно хорошо. Они сразу друг другу понравились и нашли общий язык. Он оказался неплохим знатоком живописи, и им было о чем поговорить, коротая длинные, пасмурные вечера. Естественно, Борис написал его портрет, хотя он и не просил его об этом. Директор был в восторге. Какой добрый, душевный человек! Потом была серия зарисовок, еще портреты. Среди прочих можно выделить: «Женщина, сидящая на скамейке» – (жена директора), «Мужчина с усталым лицом» – (дворник). Ну и все такое. Рассказывать особенно нечего. Сергей Иваныч приставил к нему двух человек. Они жили в соседнем номере и не мешали ему нисколько. Он даже забыл об их существовании, пока, гуляя по парку, не увидел маячившую невдалеке знакомую фигуру, отличающуюся от остальных отдыхающих. Он делал вид, что читает журнал. «Еще бы дырку вырезал, чтобы удобнее было» – подумал художник и засмеялся. Он часто вспоминал Катю, думал о ней и написал ее

по памяти. Дотрагивался до ее милого лица, изображенного им на холсте и мысленно, разговаривал с ней. Ее голос звучал у него в ушах и не давал покоя. «Она просто вспылыва и несдержанна. Что из того? – думал он – «А вдруг она сейчас плачет? У нее никого нет, кроме дочери. Она совсем одинока. Бедная женщина». Причем, совершенно не злился на нее за этот злополучный выстрел. Перед самым отъездом он получил от нее письмо:

«Как Ваше здоровье? Все ли было хорошо? Не сердитесь на меня и простите. Я жертва обстоятельств. Так уж сложилась моя жизнь и ничего уже не изменишь. Слишком поздно. Пожалейте меня. Я так одинока. Если вы действительно любите меня... Приезжайте. Я жду вас. Ваша „К.“»

Он стал готовиться к отъезду.

Глава 4

Верочка поднялась на второй этаж, открыла кладовку и поставила туда ведро со шваброй. Ей надоело пользоваться вибратором и она, положив глаз на управляющего, захотела привлечь его внимание. Он примерно ее возраста, разведен и как хозяйственный положительный мужчина, давно приглянулся ей.

– Здравствуйте, Верочка, – сказал управляющий, проходя мимо.

– Здравствуйте, Валерий Михайлович. – Верочка широко улыбнулась.

Валерий Михайлович остановился.

– Какая вы сегодня аккуратная, чистенькая, приятно посмотреть.

– Ну что вы. Я всегда такая... Спасибо, – она зарделась.

– Я тут у вас спросить хотел, – выдавил управляющий.

– Да, я слушаю. – Верочка сделала умное лицо.

– Одно пятно не отстирывается на рубашке, может, посмотрите?

– Конечно, давайте посмотрим.

Они пошли по коридору в кабинет управляющего.

– Садитесь вот сюда, Верочка, – он показал рукой на диван.

– Спасибо, – она кокетливо присела, сложив руки на ко-

лениях.

– Вы такая нарядная в этом белом переднике, он похож на школьный.

– Да, немного.

– Хотите, я вам кофе сварю со сливками? – предложил Валерий Михайлович, включая кофеварку.

– Ну что вы, неудобно.

– Вы, как этот передник надели, так я вас сразу и узнал.

Школу вспомнил. А вы меня не помните?

– Валера? Неужели? Вы здесь? Как неожиданно!

– Да, да, это я, – он улыбнулся. – Вот и ваш кофе!

– Лучше со сгущенкой! У вас есть сгущенка? – спросила

Верочка, улыбаясь в ответ.

– Конечно, есть. – Валерий Михайлович оживился, глаза его засверкали, он подошел к окну и сказал с радостным возбуждением:

– Я же помню, как в детстве вы уплетали ее за обе щеки. Помните? Проколешь две дырочки гвоздиком и потягиваешь. Вкусотища! Вот было время! Куда все ушло?

– Все ушло безвозвратно. Вы правы.

– А помните, как водой обливались из брызгалок? Это было здорово! – он отошел от окна и посмотрел на Верочку с умилением.

– Конечно, помню. Домой приходила вся мокрая и руки в синяках. А мама спрашивала: «Ты что в одежде купалась?»»

Управляющий подошел к Верочке и ласково взял ее за ру-

ки. Они сели пить кофе и некоторое время молчали, радуясь встрече.

Валерий Михайлович заговорил первым:

– А бегали вы быстрее всех. Я никак не мог вас догнать! – он отхлебнул из чашки и поставил ее на стол. – Давайте лучше на диванчик присядем.

Они сели на диван.

– У вас-то как, Верочка? Как жизнь сложилась?

– Муж меня бросил, негодяй. Двое детей на иждивении... Тяжело.

– Да-а, – протянул он. – Понимаю.

Валерий Михайлович взял руку Верочки и поцеловал ее.

Она попыталась отдернуть руку, но он удержал ее в своей и произнес с чувством:

– А помните, как нам было хорошо вдвоем?

– Жалеете меня? Не надо. – Верочка вздохнула. – Но жалость, если вдуматься, не такое уж и плохое чувство. Вы пожалейте меня, я пожалею вас, и обоим нам хорошо и приятно станет от этого.

– Тогда будем жалеть друг друга! – он обнял ее нежно и ласково.

Верочка прижалась к нему со словами:

– Нас никто здесь не застанет? Мне нужно, чтобы меня кто-то любил, – промолвила она и посмотрела ему в глаза с надеждой. – Это необходимо мне, как глоток воды в иссушающий зной. Чтобы он ждал меня с работы, звонил мне

по всяким пустякам, дарил цветы по праздникам, а лучше в обычный будний день, – ее голос задрожал от волнения, – ни с того ни с сего, просто так, по велению сердца. Это ведь так трогательно, до глубины души. Быть желанной.

– Вы всегда были для меня желанной.

Они посмотрели друг на друга с нежностью и вниманием.

Верочка улыбнулась, что-то вспомнив:

– У вас на лице такое же выражение, как тогда в детстве, когда я ударила вас портфелем по голове. Тогда я вас пожалела.

– Пожалейте и сейчас.

– Пожалую, – она погладила его по щеке. – Иди ко мне, мой миленький! Поласкай меня! Поцелуй! Я такая нежная. Ощути мою мягкость и тепло!

– Давненько я не брал в руки шашек! – воскликнул он, поднимая ей платье и снимая трусики.

– А чего так? – Верочка поддалась ему, слегка привстав.

– Ты разбудила мой застывший вулкан. Он полыхает ярким пламенем и вот-вот взорвется!

– Так пусть он взорвется! – крикнула Верочка залезая рукой ему в штаны – Ну! Давай же! Моя киска давно скучает по ласкам. Ну же! Мне так надоело пользоваться вибратором! Где он? Я хочу ощущать его внутри себя!

Он стал наслаждаться, наслаждая ее еще больше. Верочка подняла ноги и перевела взгляд на окно.

– Ах! Ты мой тигренок! Ты же любил наряжаться в костюм

тигренок на Новый год? – Она захохотала, обхватив его голову руками, – Где же твоя полосатая шапочка с круглыми ушками?

– Мур, мур, – пропел он, пыхтя. – Дома в шкафу лежит.

– В следующий раз обязательно возьми ее. Она мне нравится! Такая забавная!

Верочка замолчала, чувствуя приближение сладостного момента, и еще сильнее сжала его голову.

– Ах, как хорошо! Не останавливайся. Прошу тебя! Еще немного!

* * *

Через некоторое время в кабинет управляющего зашла Катя.

– Чем вы здесь занимаетесь? Развлекаетесь с моими горничными?

Валерий Михайлович, подтягивая штаны, обернулся, поправил галстук, и испуганно посмотрев на Катю, ответил:

– Мы просто беседовали и все.

– И все? Неужели? – Катя подошла ближе. – Вы поправляете рубашку. Верочка, когда я встретила ее на лестнице, поправляла передник. Какое совпадение, надо же. Вы оба что-то поправляли.

Валерий Михайлович подскочил к столу со словами:

– Вот здесь товарные чеки. Я забыл вам вчера отдать.

– Оставьте! Снимите очки и не мелите вздор! Эти мерзкие стекляшки меня всегда раздражали. Они отсвечивают.

Я не вижу ваших глаз. С человеком трудно разговаривать, когда не видишь его глаз. Непонятно, правду он говорит или нет.

– Я говорю правду, – он поправил сползающие очки.

– Если вы их не снимете, то я их разобью! Это очень больно. Стекла врезаются в кожу вокруг глаз, вы можете ослепнуть.

– Хорошо, хорошо, – проговорил он взволнованно, снял очки и положил их на стол, пряча взгляд.

– Теперь принесите мне швабру из кладовки. У вас есть швабра? Или лучше щетку.

– Зачем? Хотите порядок навести? Уборка была утром. – Он хихикнул.

– Да, порядок. Больше морального свойства.

– Вот щетка, но зачем? – он протянул ей щетку.

Катя взяла щетку и стала медленно, глядя ему в глаза, откручивать черенок. Она открутила его, а щетку бросила на пол.

– Вы не посмеете, – управляющий попятился.

– Посмею, еще как посмею, – она замахнулась.

– Куда делся новый рабочий? – пролепетал Валерий Михайлович, отчаянно закрываясь руками. – Я хотел дать ему указания.

– Думаю, он уже далеко, – ответила Катя, помахивая палкой. – Хотите пойти вслед за ним?

– Нет, нет!

Катя ударила его несколько раз, опустила палку и продолжила спокойным голосом:

– Разговоры часто остаются разговорами. Люди не понимают, что они должны делать и главное, как делать. Что правильно, а что неправильно. А палка просто помогает им понять, она все ставит на свои места. Хорошая палка, – она повернула черенок в руке, разглядывая, – она должна быть прочной и не слишком длинной. Одним словом – удобной.

Катя еще раз посмотрела на управляющего:

– Палка хорошая, она мне нравится, а вот вы – нет. Ваше лицо...

– Что?

– Черты лица неправильные, но их можно исправить и сейчас я это сделаю.

– Нет, нет, я все понял.

– Вы все также бегаете по утрам? – она поморщилась и поставила палку к стене.

– Да, а что? Это кому-то мешает?

– Знаете, если бы у вас везде был порядок... Я смогла бы закрыть глаза на многое. Но пока, увы.

– Я обязательно приму к сведению все, что вы сказали.

– Что же, посмотрим, – Катя открыла дверь и повернулась. – Если я приду сюда снова, вы уже не сможете бегать, ни утром, ни вечером. Понимаете?

Валерий Михайлович усердно затряс головой.

Глава 5

За окном падал пух. Катя сидела в кресле и тихонько раскачивалась, положив на колени теплый плед. Кисти ее рук лежали на подлокотниках и плавными изгибами повторяли их очертания. Она смотрела, как крупные хлопья медленно падали, кружась. Весь парк был уже засыпан этим белым пухом. Деревья замерли, их ветви уже не казались ей такими, как вчера.

Она закрыла глаза и задремала.

«Какой сегодня день, четверг или пятница? Почему он так долго не пишет?» – думала она.

Часы на башне пробили полдень. Катя открыла глаза и зевнула, посмотрела на календарь. Сегодня была пятница. В дверь постучали.

– Войдите, – сказала Катя. Пару раз кашлянула и повторила. – Войдите.

Вошел человек из охраны и сказал:

– Мадам, к нам плывет катер, он, наверное, уже у пристани.

– Это ко мне. Проводите их в кабинет.

Она встала и подошла к окну, расположенному на противоположной стороне комнаты.

Катер как раз подходил к пристани. Показался Сергей Иваныч, он поймал конец веревки, брошенный с катера, и за-

крепил его на пристани. С катера один за другим спрыгнули двое в брезентовых плащах с капюшонами. Они поздоровались с Сергеем Ивановичем и не спеша вразвалочку последовали за ним. Через некоторое время они зашли в кабинет.

– Добрый день. Как добрались? – Катя встретила их, подойдя к двери с сигаретой в руке.

– Спасибо, ничего, здравствуйте, – ответил высокий худой человек, вошедший первым. – Я капитан, а это мой помощник, – он показал на сутулого мужчину средних лет с хмурым небритым лицом.

– Виталий Алексеевич, – представился он и кашлянул в кулак.

Катя поднесла сигарету к губам и медленно затянулась, окидывая взглядом вошедших. Указав им на стулья, она подошла к карте, висевшей на стене, и сказала:

– Согласно данным, здесь, мимо этого острова, – она показала место на карте, отмеченное красным маркером, – пройдет грузовое судно и корабль сопровождения. Все остальное вы знаете. Время примерно от 2 до 4 часов утра. Присядьте, обсудим детали.

Вошел Сергей Иванович, в его руках была папка и карта, сложенная в трубочку. Он подошел к столу, разложил карту, поставив на края пепельницу и пару зажигалок, чтобы она не свернулась обратно и, держа в руке папку, присел рядом на стул.

– Судно, среди прочего, везет золото и оружие, – продол-

жила Катя, усевшись поудобнее – мне нужно 100 кг. Не хватает для одного дела.

Капитан покачал головой, глубоко задумался и сказал:

– Нам всем в этой жизни что-то нужно и чего-то всегда не хватает. Тем более золота. Не получится.

– Почему? – удивилась Катя.

– Это невозможно. Команда не поймет. – Капитан встал со стула, сделал несколько шагов и, сложив руки на груди, уселся на диван.

– Есть договор и правила. Вся добыча делится на части – доли. Ваша доля составляет 1/3 добычи.

– А добыча это то, что мы возьмем на судне? – спросила Катя.

– Верно, – вставил помощник.

Помощник и капитан закивали головами.

– Здесь можно курить? – спросил помощник.

– Да, пожалуйста, – ответила Катя.

– Извините, привык бросать окурки за борт.

– Пепельница на столе.

– Забавно, – протянул Виталий Алексеевич, разглядывая пепельницу. Совсем как настоящая!

– Я пригласила вас сюда не для того, чтобы разглядывать пепельницу, – резко сказала Катя.

Виталий Алексеевич засмеялся:

– Вам для исполнения своих планов стоило нанять военный крейсер! Там всего 200 кг.

– Возьмите разницу оружием, – предложила Катя.

– Что я буду с ним делать? На рынке торговать? – Капитан замотал головой.

– Можно уменьшить команду, – предложил помощник.

– Можно, – согласился капитан, – но не желательно. Это раньше на море можно было разбойничать сколько душе угодно. Сейчас не те времена. Корабли сопровождения стали посылать все чаще. И корабли эти – военные. В последний раз я столкнулся с таким в прошлом году. Я хорошо помню этот день. Из всей команды уцелели четверо. Тридцать человек команды! А это были мои лучшие люди. Где я найду еще таких?

– Что за проблемы? – воскликнула Катя. – Матросов можно нанять в любом порту...

– Вы так считаете? – перебил ее капитан. – Что же, пожалуй, да. Но не таких. – Он махнул рукой. – Вам не понять, что такое команда корабля. Сложившийся коллектив. Отношения складываются годами, шлифуются, люди привыкают друг к другу. А вы... «Нанять» – проговорил он взволнованно и встал.

– Ну, это я так, предположительно. Ну, так что же дальше?

– Мы шли с добычей, – продолжал капитан, – огибая вот этот мыс, – он подошел к столу и показал рукой место на карте, – когда из пролива показался корабль. Это был военный фрегат. Он поравнялся с нами и начал стрелять. Внезапно, без предупреждения. Все матросы, которые находились в это

время на палубе, были убиты. Мой помощник получил ранение, и разбило снасти. Потом последовал залп из орудий, который просто снес нам рубку. В трюме начался пожар. Мне с уцелевшими людьми удалось спустить оставшуюся целой шлюпку и, скрываясь за полосой дыма, уйти. Я видел, как затонул мой корабль, – он тяжело вздохнул. – Матросы гребли, а я встал во весь рост и смотрел, как корма уходит под воду. Это был один из лучших кораблей, которыми я когда-либо командовал. Хороший, быстроходный, оснащенный по последнему слову техники. 24 узла при попутном ветре! – капитан опустил голову и задумался, добавил со вздохом сожаления. – Такой ход!

– Но теперь у вас новый корабль, ничуть не хуже первого. Не надо так расстраиваться. А вы что молчите, Сергей Иванович? Скажите ему, – Катя посмотрела на Сергея Ивановича, тот обвел всех спокойным взглядом и сказал:

– Нам действительно не хватает, ну может, не 100, ну 80, это точно. Но в море свои законы. Если они откажутся, неволить никого не будем, – он заворочал глазами и замолчал, уставившись на зажигалку, державшую край карты.

Капитан с помощником переглянулись.

– Хорошо, мы возьмемся, – сказал капитан, садясь снова на диван, – а разницу...

– Разницу возьмем при следующей операции, – добавил помощник. – Но все это можно было решить не приезжая сюда.

– Вот именно! – капитан заерзал на диване:

– Мадам, я не понимаю к чему это собрание? Зачем вы нас сюда вызвали?

– Да, – подхватил помощник. – Я тоже не пойму. Раньше вы сообщали место и время, ценность груза, название корабля и все, а больше нам ничего не надо. – Он пожал плечами и насупился. – А теперь какое-то совещание.

– Может, мне хочется на вас взглянуть, поздравить с праздниками, – ответила Катя. – Да и диван мой вам, похоже, по душе пришелся, удобный.

– У нас полно дел, нам ни к чему такие смотрины, – капитан недовольно посмотрел на Катю и отвернулся к окну.

Тут медленно открылась дверь и на пороге появилась Ольга.

– Мама, – неуверенно позвала она. – Что так долго? У нас гости, а вы ничего не сказали.

– Это моя дочь, Ольга, познакомьтесь.

Капитан встал с дивана, подошел к Ольге и с легким поклоном протянул ей руку:

– Геннадий.

– Ольга.

– Виталий Алексеевич,; помощник неловко привстал со стула и наклонил голову.

– Может вам принести чего-нибудь? Чай или кофе? – спросила Ольга, оглядываясь.

– Чего вы все чай да чай? Давайте коньяк за знакомство!

Пять звездочек, сейчас принесу, – Сергей Иваныч отодвинул стул и вышел.

Через пару минут он вернулся, неся поднос с закуской и выпивкой.

– За знакомство!

Умелой рукой он быстро разлил содержимое бутылки по рюмкам и поднял руку вверх. Глаза его засверкали.

– Давайте выпьем за удачное предприятие! – предложила Катя.

– Да! Конечно!

Все выпили и стали оживленно беседовать.

– А я не знал, что у вас такая взрослая дочь, – сказал капитан, разворачивая конфету. – Вы от нас ее не прячьте!

– Ах! – подхватил Виталий Алексеевич. – Скинуть бы мне годков так 20, хотя бы!

Сергей Иваныч молчал, жевал лимон и улыбался, зорко наблюдая за происходящим.

– Так, так, где наши рюмочки? – он вдруг встрепенулся, выждав удобный момент, и снова разлил.

– За что теперь? За Оленьку, конечно?

– Да, да, безусловно. Она миленькая!

– В следующий раз мы выпьем за капитана, – вставила Катя, стреляя глазками. – Мне сказали, что вы, – она повернулась в ту сторону, где сидел Геннадий, – подрабатываете не совсем хорошим способом. Какой озорник!

– Каким? И кто сказал? – капитан встрепенулся.

– Это не важно, кто, важно каким. – Катя прищурила глаза. – Перевозите наркотики?

Капитан внезапно рассмеялся, задрав голову.

– Ерунда, не верьте! – ответил он, искоса поглядывая на Ольгу, которая в это время развернула шоколадку и, отломив от нее кусочек, положила в рот, наблюдая.

Капитан тем временем продолжал:

– Я отправил на дно десятки судов во всех морях, на которых когда-либо плавал. Но наркотики? Дурь? Вот уж не думал, что меня обвинят в этом! – он поморщился. – Это мелко и грязно. Я никогда не опустился бы до такого. Это позор для моряка!

– Не обижайтесь, Геннадий, это шутка. – Ольга протянула ему кусочек шоколадки и улыбнулась.

– Спасибо, – он улыбнулся в ответ.

– Давайте выпьем за это! – Сергей Иваныч взял бутылку.

– За что? За наркотики?

– Ха! Ха! Опять шутки?

Бутылка тем временем быстро опустела. Ольга встала и, обращаясь к капитану, сказала:

– Возьмете меня с собой?

– Как? Вас?

– Да, меня. – Ольга посмотрела на мать.

Капитан встал со словами:

– Это уже серьезный разговор. Я не могу вас взять просто так. – Думаете, это вам простая прогулка на море под парус-

сами? – взволнованно произнес он. – Вы не представляете, как это опасно!

– Паруса это так романтично, – воскликнула Ольга и, всплеснув руками, подняла голову.

– Я плавал во всех морях и твердо стоял на палубе, когда вы еще под стол пешком ходили, – загудел Виталий Алексеевич.

– Что из того?

– А то, – подхватил капитан и сгорбился над картой, разложенной на столе, – теперь еще опаснее.

– Надеюсь, что передаю свою дочь в надежные руки? – Катя вопросительно взглянула на капитана.

– Девочка хочет приключений? – Виталий Алексеевич потер щетину на подбородке и тоже вопросительно взглянул, но уже на Ольгу. – Ну что же, мы сможем предоставить ей такую возможность.

– Ей нужно проветриться и потом она настаивает, – продолжила Катя. – Она все равно от меня не отстанет. Я знаю это.

– Женщина на корабле... – Виталий Алексеевич задумался, – это может быть к худшему, а может и к лучшему, – произнес он, уставившись на пепельницу-шлюпку. – Забавная вещица, совсем как настоящая. Откуда она у вас? Клянусь всеми веревками на своем судне! Никогда такой не видел.

Все разошлись, остались только Ольга с капитаном.

Некоторое время, они, молча, смотрели друг на друга,

понимая, что их оставили наедине специально, чтобы они объяснились. Но никто не смог первым нарушить молчание. Ольга достала сигарету и щелкнув зажигалкой, подошла к двери.

– Что-то хотите добавить? – она кокетливо обернулась, взявшись за дверную ручку.

– Вы красивая, – сказал капитан, волнуясь.

– И это все? – она удивленно подняла брови.

– А что еще я должен сказать? Что вы хотите услышать?

Ольга вскинула ресницы и лукаво взглянула на капитана.

– Этого мало, – промолвила она разочаровано, поднесла сигарету к губам и медленно, не отводя от капитана взгляд, затянулась, оставив на фильтре яркий след от помады.

– Я хочу услышать что-то еще, что-нибудь необычное. Интригующее признание... – она улыбнулась. – Одно слово, может безумное, твердое и в то же время нежное, ошеломляющее, вселяющее уверенность и в то же время откровенное.

– Вы питаете меня надеждой,; капитан снял фуражку и добавил растроганно. – Я буду стараться.

– Все идет от души, милый мой капитан. Из горячего сердца, охваченного пламенем.

Ольга еще раз затянулась и подошла ближе к капитану. Она протянула руку с сигаретой к его лицу и сказала, сопровождая слова томным взглядом:

– Видите на фильтре след от моих губ?

– Да, вижу.

– Такой же след я оставлю на вашей щеке сегодня вечером, если вы не против.

Капитан задрожал, лицо его порозовело.

– О! – воскликнул он в смущении и опустил голову. – Я давно не был с женщиной. Простите мой простой язык и обхождение. Я отвык рассыпаться в любезностях и не умею делать комплементы.

Он заволновался, рука его смяла фуражку.

– Мои руки огрубели, они привыкли сжимать штурвал, а не руку женщины. Делать комплименты для меня непривычно и тем более рассчитывать на взаимность от такой девушки, как вы.

– Я знаю, – ответила Ольга, одарив капитана чарующей улыбкой. – Но есть простые слова, которые трогают намного больше и проникают в глубину души гораздо чаще, чем сказанные льстиво и по шаблону. Я умею их различать.

Она, протянула руку к его лицу и нежно провела по щеке, чуть касаясь пальцами.

– Мое сердце для вас открыто, – промолвила она, – и слова ваши приятны и с волнением ожидаемы.

– Спасибо, – выдохнул он с облегчением и, закрыв глаза, поцеловал ее ладонь.

Ольга положила руку на его плечо.

– Я чувствую, как вы дрожите. Что с вами? От одного моего прикосновения. Что же будет потом?

– Не знаю... Вы сводите меня с ума.

Он вздохнул и отвернулся.

Я никогда так не волновался. Лучше бы я погиб в том бою с фрегатом. Если я не оправдаю ваших надежд? Я беден. Все деньги, которые я зарабатываю, я посылаю своей матери и сестре. Мне ничего не нужно. – Он замотал головой. – Раньше не было нужно. Но теперь все изменилось в один миг. Я знаю, для чего живу.

– Я полагаю, вы достаточно награбили на судах? Конечно, не без помощи моей матушки. Говорят, вы бесстрашный и самоотверженный. Но, почему сейчас вы так пугливы? Куда же делась ваша храбрость? От нее не осталось и следа.

– Бывают такие минуты, которые все меняют в жизни. Наверное, наступила такая минута.

– Вы полагаете?

– Да, если, конечно, вы не привыкли играть с мужчинами как с мобильным телефоном.

– Ах, Геннадий! Вы иногда можете быть дерзким.

– Простите. Это все печальный опыт. Я буду ждать вас на корабле до захода солнца, если вы решитесь.

Сказав так, он, наклонив голову, вышел. Ольга пошла к себе. После убийства рабочего, она не могла избавиться от налета тягучей тоски на лице. Впала в депрессию. Всякий раз, глядя на себя в зеркало, она замечала это выражение, и прогоняла его. Спустя некоторое время, оно появлялось само собой, и она ничего не могла с ним поделать. Но теперь, расставшись с капитаном, и посмотрев в зеркало, она не увиде-

ла ничего похожего. На ее лице сияла сдержанная улыбка, которая обычно появляется на лицах женщин, когда мужчина, который им нравится, делает им комплимент. Приятное глазу, выражение милого торжества с налетом таинственности. Особенно тогда, когда кроме них, никто этого не видит и не слышит. Вот так произошло и сейчас. Он поселил в ее душе надежду. Надежду на будущее. На все то, о чем она так долго мечтала.

Капитан входит в свою комнату и видит там Катю. Он в недоумении останавливается в дверях:

– Добрый вечер... – произносит он растерянно.

Катя, стоя у окна, поворачивается и отвечает тихо:

– Ну, что вы застыли? Закройте дверь и садитесь вот сюда – она показывает ему место возле себя и садится сама.

– Я полагал вы у себя. Уже поздно – он смотрит на нее настороженно – выжидающе.

– У меня к вам дело – произносит Катя, таинственно глядя на него – Да не бойтесь. Я вас не съем... Садитесь черт вас дери! – вдруг выкрикивает она.

Гена поспешно закрывает дверь и садится на указанное ею место. Катя внимательно смотрит на него и продолжает:

– Я совсем не против ваших с моей дочерью отношений. Пора бы ей стать взрослой и определиться...

– Давайте ближе к делу – обрывает ее Гена – Думаю, что вы пришли сюда не по этому вопросу.

– Хорошо. Извольте. Вы должны достать для меня доку-

менты. Они в кейсе, у одного чиновника на яхте. В пятидесяти милях отсюда. Это очень важно для успешного проведения нашей операции с золотом. И вообще... Заодно подтвердите свою репутацию.

Подумав, Гена отвечает:

– У меня мало людей. Там есть охрана?

– Есть, немного. Впрочем, Сергей Иваныч обеспечит вас всем необходимым и даст исчерпывающую информацию. Мне нужен только кейс, все остальное ваше. Ну как? Договорились?

Катя вынимает бумажку, и плавно помахивая ею в воздухе, говорит:

– Этот перевод я отправлю вашей маме, как только получу от вас ободряющие известия с борта яхты, которую вы захватите. Разве не справедливо?

– Согласен.

– Возвращайтесь с победой!

Тихая гладь океана. На большой яхте отдыхают люди. Женщины в бикини расслабленно лежат на шезлонгах, кто-то сидит за столиками и выпивает. Звучит приятная музыка, официанты разносят напитки. К яхте подходит катер с вооруженными людьми. Они прыгают на палубу и пытаются захватить судно. Женщины поднимают с шезлонгов удивлен-

ные лица, официанты замирают, стихает музыка. Поднимается суматоха, слышатся возгласы возмущения, сменяющиеся недовольным ропотом. На яхте присутствуют высокопоставленные чиновники, видные бизнесмены и депутаты, мэр с супругой. Телохранители, находящиеся при них хватаются за оружие, но опасаются применять его, чтобы не зацепить отдыхающих. Пассажиры продолжают негодовать. На палубе появляются два пирата. Один, корча зверскую рожу, держит капитана яхты за шиворот, приставив к его виску пистолет. Другой, тащит супругу мэра. Схватив ее за волосы, и злобно улыбаясь, он тычет ей в лицо пистолетом. Капитан яхты выглядит жалким и напуганным. Супруга мэра плачет. К ним подходит пират и вынимает из кармана капитана яхты ключи, а жену мэра пугает и передразнивает. Среди пассажиров раздаются крики отчаяния. Охрана бросает оружие. Пиратами командует молодой капитан Гена. Он звонит Кате и докладывает ход операции, получает советы от Сергея Иваныча.

Пираты выводят пассажиров и команду на палубу и, отобрав у них телефоны, сгоняют в кучу, как стадо овец. Многих пассажиров они видели по «ящику», и давать им пинки, доставляет невыразимое наслаждение. Они показывают друг другу пальцами на знакомые лица и смеются.

Катя и Сергей Иваныч волнуются, они переживают, что Гена слишком молод и может провалить дело, высказываются, спорят. Катя знает, что не все поручения, которые она

даст, понравятся капитану, но это он выполнит с особым усердием. В этом она уверена. На яхте находятся люди, из-за которых он лишился военной карьеры. Не именно из-за них, то точно из-за таких же, как они. Гена ненавидит этих людей и все, что с ними связано. Они придумывают законы и управляют миром. Он не вписался в их компанию со своими представлениями о чести, добре и справедливости. Он шел по дороге жизни уверенно, с гордо поднятой головой и твердой походкой. А они столкнули его на обочину, лишили уверенности. А тут еще больная мать с сестрой инвалидом. Он окончил морское училище, с отличием и поступил на флот. Ему прочили большое будущее. Перспективы быстрой карьеры уже маячили перед ним, но тут за один досадный инцидент его выпирают из флота. Девушка отворачивается от него. Перед ним закрывается дверь в светлое будущее, но Катя открывает другую дверь, не хуже, а может и лучше чем первая. И он благодарен ей за это. Сергей Иванович подкупив офицера, выясняет о Гене все и рекомендует его Кате. Катя преследует свои цели. Ей нужен капитан корабля, на которого она может положиться. Гена подходит на такую роль. Он не смеется с награбленным. Катя оплачивает лечение его матери, а сестру отправляет в санаторий. Выслушивая ободряющие доклады Гены и не только него, о ходе операции, Катя и Сергей Иванович ободряются.

Капитан пиратов подходит к одному депутату и забирает у него кейс. Тот возмущается: «Ты знаешь, кто я такой!?».

Капитан оборачивается и дает ему в морду. Над толпой пассажиров проносится вздох. Депутат падает, а из толпы выскакивает разодетая кукла на высоких шпильках, подбегает к депутату и театрально склоняется над ним. Двое пиратов обыскивают каюту капитана яхты и открывают сейф, другие наводят шмон в пассажирских каютах, забирая все ценное, третьи приводят в негодность рацию и орудуют на палубе. Женщины снимают с себя украшения, мужчины отдают бумажники и часы. Ограбив яхту, пираты прыгают в катер. Катер отплывает. Один из пиратов держит яхту под дулом пулемета.

Узнав, что дело сделано, Сергей Иванович наливает коньяк, а Катя идет к себе. Она звонит по телефону: «Гена, как ваши дела? Отлично!». Капитан пиратов убирает телефон в карман. Катер, на котором он стоит, несется с большой скоростью. Сидящие в нем пираты разглядывают драгоценности и роются в отобранных вещах. Дело сделано.

Глава 6

Утро. Катя откинула одеяло, и нехотя спустив ноги, стала искать тапочки. Она плохо спала. Мысли о художнике возвращались к ней снова и снова. Она разговаривала с ним в одном сне, в другом колотила нерадивую служанку. Катя придерживается строгих правил и жесткой дисциплины. Прислуга в доме давно уже почувствовала это на своей шкуре. Катю ненавидят за чрезмерную жестокость, но уважают и боятся. Но художник не игрушка, которую можно поставить в угол. Катя поняла также и то, что она, возможно, всю жизнь ждала, чтобы кто-нибудь сказал ей именно такие слова, которые говорил Боря и не в порыве страсти, обуреваемый похотью, в постели по ночам, шепча бессвязно, а при свете дня, рассудительно и внятно. И если она отмахнется, то это никогда больше не повторится. Остаток жизни она проживет одна в этом доме или в другом, и состарится, раздавая пощечины служанкам, и вероятно разобьет об головы своих рабочих не одну бутылку из-под шампанского, и ей за это ничего не будет. Но разве это главное? Рано или поздно дочь покинет ее и заживет своей жизнью. Она давно тяготится наставлениями матери и хочет делать все по-своему. Катя поняла это внезапно и так отчетливо, как никогда раньше. Она останется совсем одна. Именно почему-то сейчас, в это мгновение, когда она протянула ногу, чтобы обуть тапочек,

перед ней открылась суть происходящего. Она и раньше задумывалась об этом, но не так явственно, как в эту минуту. Вошла горничная. Катя повернула к ней сонное лицо и спросила:

– Вы сделали то, что я просила?

– Да, мадам. Ваши платья готовы. Они в гардеробной.

– Я не про это – Катя скривила губы.

– Конечно. Он здесь. Позвать?

– Позовите.

– Сию минуту, мадам – она склонилась в поклоне и быстро вышла.

Катя подошла к зеркалу и отрешенно – безразлично, посмотрела на свое отражение. Затем натянула чулки, долго выбирала подвязки, поменяла платье. Вошел Боря и плотно закрыл дверь.

– Мадам! Я так торопился – он подошел ближе, упал на колени и стал целовать ее руки.

Катя подняла его и прижала к своей груди. Сказала взволнованно:

– Перестаньте меня так называть! Мы же договорились... Послушайте, как бьется сердце! Я так долго ждала вас, что потеряла счет времени. Какой сегодня день? Четверг или пятница? Все перепуталось...

– Ах! Какая разница, какой день? Я так сильно люблю вас! Все эти дни я думал только о вас и ни о чем более... И вот я здесь. У ваших ног. Что может быть прекраснее на Земле?

Видеть вас, думать о вас. Обнимать вас!

– Милый мой художник! – она прижала свои ладони к его лицу, заглянула в его глаза – Мне так много надо сказать вам. ... Но все потом. А сейчас, целуйте меня. Целуйте всю! Я ваша!

– О! Какое блаженство – он целует ее лицо и грудь.

– Да! Да! Вот так! Теперь ниже – она опустила его голову и подняла платье – Я вся дрожу! – Катя, увлекая за собой художника, упала на кровать и, откинув голову, развела ноги. Затем вздохнула и, закрыв глаза, зашептала, что-то бессвязно. Ее тело задрожало.

Катя поправляет прическу перед зеркалом. Художник полощет рот возле умывальника. Он вытирается полотенцем, застегивает пиджак и подходит к ней со словами:

– Вы не сказали, что у вас месячные...

Катя посмотрела на него и грустно ответила:

– Какие мелочи. Они почти закончились – она кокетливо ему подмигнула – Что за пустяки? Ну, в самом деле? Не будьте буквой!

Катя провела пальчиком по его лицу и чуть касаясь, погладила шею, спросила:

– Помните тогда, в первый раз? Как это было?

Он поднес ее руку к своим губам и поцеловав много раз, каждый пальчик, ответил:

– Никогда не думал, что такой маленькой ручкой можно

вытворять такие чудеса. Поразительно!

– Вы слишком долго сидели в беседке. А ведь есть вещи и поинтереснее пейзажей. Не так ли?

– Да, но творчество. Для меня это очень важно... – Боря запнулся, затем продолжил с волнением – Вдохновение это стихия, как море в шторм! Сильный ветер, внезапно, ни с того ни с сего. Он налетает и все вокруг меняется в тот же миг. Мир становится другим, за какие-то секунды все изменяется.

– Понимаю. – Катя участливо кивнула головой. – Это такое особое ощущение, состояние души. Вы много работали в санатории? Судя по количеству папок, которые вы с собой привезли, у вас накопилось немало картин. А еще ранние работы, о которых вы упоминали.

Она подошла к Борису и, положив руки ему на плечи, посмотрела в глаза:

– А почему бы нам не организовать выставку? Вы когда-нибудь выставлялись?

Боря, смотря ей в глаза, смутился и, опустив голову, произнес сдержанно:

– Очень сложно. Реклама и все такое. Меня никто не знает.

– Я возьму это на себя! – Катя подошла к телефону и набрала номер.

Быстро договорившись с одним из своих знакомых по бизнесу, и оставив художника отбирать картины для выставки,

она поспешила в оранжерею. Взглянуть, как всходит рассвета, посаженная ею накануне. Подойдя к месту, она ужаснулась и всплеснула руками:

– Кто мог сделать такое? Бедная Королева ночи!

Неподалеку маячила фигура нового садовника, недавно принятого на работу. Молодой мужчина вскапывал грядки. Он оглянулся и, увидев Катю, побледнел и затрясся.

– Так вот, кто растоптал мои бедные тюльпаны! – закричала Катя.

Бросив инвентарь, садовник попытался сбежать. Но не тут-то было. Его поймали возле ограды и поволокли во двор, где стояла бочка с водой. Крепко держа за ноги, окунули в нее с головой несколько раз.

– Ну, хватит! Довольно! – скомандовала подошедшая Катя – А то заболит и работать не сможет. А мне нужны здоровые рабочие.

Садовника отпустили. Он поднялся и, дрожа, стал снимать мокрую куртку. Один из охранников дал ему подзатыльник. Садовник выронил куртку и, пригнувшись, испуганно посмотрел на него.

– Надеюсь, ты запомнишь этот урок, и больше не будешь топтать мои цветы – сказала Катя строгим голосом.

– Никогда не буду! – он закивал головой – Простите, мадам!

– Как тебя зовут? – Катя подошла ближе – И не вздумай убежать в следующий раз! Тебя все равно поймают.

– Андрей... – он, с опаской поглядывая на охранника, поднял куртку.

– Ну вот, что, Андрей, – продолжила Катя – Считай, что тебе повезло. У меня еще остались луковицы. Ты идиот, болван безрукий. А теперь повтори.

– Я идиот. Болван... Зачем вы меня унижаете? – Андрей вдруг распрямылся. Поднял голову, посмотрел Кате прямо в глаза – Это доставляет вам удовольствие? Увольте и все!

– Это просто. Слишком просто – возразила Катя. Она заметила крестик на его груди, висевший на простой нитке и добавила:

– Веришь в Бога?

– Да.

– Бог тебе не поможет, так же, как не помог однажды мне, – она задумалась на минуту, погрузилась в свои мысли и, сделав несколько шагов, произнесла уверенно, с чувством:

– Люди придумали Бога, потому, что не знали, откуда взялось солнце, море, небо и Земля. Но теперь-то мы знаем... Ну да ладно. Не будем больше ссориться.

Катя, считая инцидент исчерпанным. Повернулась и пошла по тропинке, бросив на ходу:

– Дайте ему водки! И теплое одеяло. Пусть согреется!

Глава 7

На площадку перед домом приземлился вертолет. Из него вышел человек с портфелем. Это профессор Владимир Павлович. Последние годы он занимался разработкой оружия и достиг на этом поприще весьма неплохих результатов. Он приветливо помахал рукой и стал отдавать команды людям, вынимавшим из грузового отсека ящики, похожие на гробы.

Катя пошла ему навстречу. Они встретились, словно старые друзья.

– Добрый день! – сказала Катя. – Мы давно вас ждем.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна! – он улыбнулся.

– Как завершились ваши испытания, Владимир Павлович?

– Удачно, мадам, на редкость удачно!

– Это вон те ящики? – она повернулась в сторону вертолета – Недурно!

– Да! Мои ненаглядные, они вам понравятся. Вот увидите. Мне удалось увеличить скорость в два раза! Представляете? Такого не удавалось никому.

– Там есть видеокамеры?

– Конечно... Ба! Кого я вижу? – он обернулся в сторону приближающейся группы людей.

– Женя?

– Это наш доктор, Евгений Семенович, – представила Ка-

тя. – Вы знакомы?

– Профессор? И вы здесь? – лицо доктора помрачнело.

– Мир тесен, как видите. Недовольны встречей?.

– Мы заканчивали с вами один институт, вместе ходили на лекции. Но вот мои научные труды служат медицине, а ваши для убийства людей, – доктор посмотрел на профессора с укоризной и добавил. – От таких встреч мало радости. Мы многого добились в этой жизни на научном поприще. Только я лечу людей, – он поднял указательный палец, – а вы их убиваете! – и опустил его вниз. – Если бы мне сказали об этом раньше, я бы ни за что не поверил. Стыдитесь!

– Вот и не подумаю! – Владимир Павлович оглянулся по сторонам и стал нервно помахивать портфелем. – Не стыдно ни капельки! – сказал он, волнуясь.

Доктор снял очки и грустно посмотрел. Он достал носовой платок и, медленно протирая линзы, произнес, сопровождая свои слова взглядом полным печали и осуждения:

– Я так и знал, что вы человек без чести и без совести.

– Перестаньте! – Владимир Павлович досадливо махнул рукой. – Каждый из нас занимается своим делом.

– Вот именно, – вставила Катя. – Мне совсем не интересно слушать вашу перепалку.

Опустив голову, она стала не спеша прохаживаться и, обернувшись к профессору, спросила:

– Вы христианин?

– О, да!

– Я так и думала. Религия всегда давала толчок научным исследованиям... Сергей Иваныч, займитесь грузом. Его надо погрузить на катер.

Несколько человек возились возле ящиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.